

Часть 3

ПСИХОЛОГИЯ ГРУППОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗА С ВЫСОКИМ УРОВНЕМ КОНФЛИКТНОСТИ О РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ СО СТУДЕНТАМИ

Ю. Л. Астраханцева, Н. И. Леонов (Ижевск)

Преподавателю вуза в своей педагогической деятельности приходится часто сталкиваться с конфликтами разного характера, что ставит его перед необходимостью выбора стратегии поведения в разрешении конфликтной ситуации со студентами. В социальной психологии и педагогической конфликтологии накоплен большой объем теоретических и эмпирических данных о поведении в конфликте и способах его разрешения. Многие отечественные и зарубежные исследователи (А. Я. Анцупов, Х. С. Гуцериев, В. Зигерт, С. И. Ерина, М. М. Кашапов, В. С. Мерлин, Л. А. Петровская, В. П. Сальников, А. Л. Свенцицкий, В. И. Хальзов, Ю. А. Шаранов, А. И. Шипилов, В. Шутц и др.) разрешение конфликтов относят к элементам управления.

Концептуальной базой нашего исследования служат теории социальных представлений С. Московичи, социального мышления К. А. Абульхановой-Славской и онтологический подход к изучению конфликта и конфликтного поведения Н. И. Леонова. В логике проанализированных идей социальные представления преподавателей о разрешении конфликта рассматриваются как способ интерпретации и осмысления конфликта в вузе, предполагающий когнитивную активность преподавателей по его разрешению и позволяющий фиксировать свою позицию по отношению к ситуации разрешения конфликта.

При изучении социальных представлений преподавателей о разрешении конфликтов в вузе принимался во внимание, прежде всего, присущий им баланс устойчивости и изменчивости. Как часть образа мира, социальные представления образуют динамическую систему с достаточно устойчивой структурой. Следует учесть, что преподаватель как субъект, управляющий процессом обучения, развивается

в процессе его деятельности, приобретая опыт управления конфликтными ситуациями в вузе. В соответствии с целью исследования мы предполагаем, что образы конфликтной ситуации, формирующиеся на основе социальной категоризации, имеют свои особенности и обеспечивают личность системой ориентации в ситуации конфликта.

В результате исследования мы разделили выборку преподавателей на группы с высоким, средним и низким уровнем конфликтности. При таком разделении в группу преподавателей с высоким уровнем конфликтности попадают около 26,6% всех испытуемых, в группу со средним уровнем конфликтности – около 49,05% и в группу с низким уровнем конфликтности – 28,3% испытуемых.

Далее были определены типы когнитивной решетки у преподавателей. Под когнитивной решеткой мы понимаем модельное представление категориальных структур индивидуального сознания. В процессе анализа нами были выявлены три типа когнитивных решеток: артикулированная решетка – целостность, согласованность и взаимосвязанность когнитивных компонентов (2 или 3 кластера, хорошо разделенных и взаимосвязанных между собой); фрагментарная решетка – автономность, независимость и изолированность когнитивных компонентов (несколько кластеров, не связанных между собой); монолитная решетка – жесткая ригидная когнитивная структура (1 центральный кластер, связи между элементами которого очень прочные).

Следующим этапом исследования было сравнение особенностей образов конфликтной ситуации преподавателей с разным уровнем конфликтности. Рассмотрим полученные данные на примере преподавателей с высоким уровнем конфликтности. Преподаватели данной группы имеют монолитную решетку. Можно сказать, что эти преподаватели изначально воспринимают студента, как амбициозного, неподчиняющегося, агрессивного, непонятного для них. Когда студент сопротивляется, а для данной группы преподавателей эта ситуация постоянна, они находятся в состоянии конфликта и видят успешное его разрешение лишь в том случае, когда полностью или частично удовлетворяются их интересы.

В идеале преподаватели высокого уровня конфликтности хотели бы избегать конфликта, так как для них успешный человек в разрешении конфликта – это человек, который избегает конфликта. В действительности же преподаватели этой группы постоянно конфликтуют со студентами, так как у них студент не включен в ситуацию конструктивного разрешения конфликта.

Проанализировав особенность образа конфликтной ситуации преподавателей высокого уровня конфликтности, мы пришли к нижеприведенным выводам.

- 1 Образ имеет тенденцию к целостности, включает в себя расположенные в одном семантическом облаке два элемента: представление о ситуации реального конфликтного взаимодействия и идеальное представление, что характеризует данных преподавателей как уверенных в своей правоте и постоянном соперничестве с окружающим миром.
- 2 Образ имеет динамичный характер, который зависит от оценочных категорий.
- 3 Типичной характеристикой образа конфликтной ситуации преподавателей с высоким уровнем конфликтности является оценка, а затем и выстраивание отношений с окружающими людьми на основе каузальной атрибуции. Индивидуальным элементом образа является соответствие идеального и реального в ситуации конфликта. Эти преподаватели испытывают восторг от ситуации конфликта, так как им изначально свойственен конфликтный тип поведения.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Е. В. Бакиштова (Самара)

В 2009 г. исполняется 100 лет со времени выхода книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции», авторами которой были семь широко известных в общественно-политических кругах России начала XX в. философов, экономистов, юристов, литераторов и публицистов правокадетского толка: Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, А. С. Изгоев, С. Л. Франк, Б. А. Кистяковский и М. О. Гершензон. В. Шелохаев пишет, что итоги полемики вокруг «Вех» оказались для авторов сборника обескураживающими. В поддержку их идей выступил идеолог черносотенства Антоний Вольтинский, на их защиту встали газеты «Новое время» и «Слово». Напротив, либеральная и революционно-демократическая интеллигенция подвергла сборник критике (Вехи, 1991, с. 6).

За прошедшие сто лет при общем признании интеллигенции исключительно российским феноменом все еще окончательно не выявлены факторы принадлежности этой группе. И, прежде всего, для самой интеллигенции. Одни люди считают, что быть интеллигентом – это большая честь, другие – великий позор. Собственно говоря, поисками идентификационных факторов занята, прежде всего, сама интеллигенция. И, очевидно, что данное обстоятельство не последнее

в ряду характеристик этой социальной общности, потому как если другие социальные группы «оформляются» внешними, объективными факторами – общностью территории, отношением к средствам производства, полом, этносом и т. п., то для интеллигенции условием принадлежности выступает именно участие в обсуждении условий принадлежности к интеллигенции.

Интеллигентская психография, изложенная на страницах «Вех», в качестве главных характеристик интеллигенции выделяет безрелигиозность, противогосударственность и антинародность. Такое представление о себе сформировалось не сразу и не прямолинейно. Интеллигентский дискурс самоопределения разворачивался в конце XIX–начале XX вв. на страницах литературно-политических изданий, ведущим из которых был журнал «Русская мысль». И здесь на протяжении трех периодов (ранее об этом говорилось) мы наблюдаем, как формируется некая «генеральная» характеристика (психография) интеллигенции, и рядом с ней – противоположная, которая становится основной уже в следующий период.

Главные характеристики интеллигенции 1880–1890 гг.: *тоскующая; скучающая; в самом нелепом положении; романтически настроенная душа; главнейшая вина русской интеллигенции; замирание сердечное; совершенные иностранцы в родной земле; чуткая душа; запросы совести; форма свободной человечности*, и связаны они с именами Г. И. Успенского и Н. В. Шелгунова, которые были психографами интеллигенции в 80–90-е годы. В целом в первый период создания психографии интеллигенции выдвигаются такие ее черты, как страдательность и маргинальность, ненужность, неукорененность в обществе. Альтернативные представления об интеллигенции в этот период: *страстная любовь к делу; энтузиазм; терпение; глубоко-радостное чувство; потребность в творчестве оригинальных либеральных идей; самое заботливое внимание* (В. А. Гольцев, Д. Н. Сибиряк, А. И. Эртель, П. Д. Боборыкин, Л. А. Камаровский). Именно эти авторы становятся психографами в 1891–1905 годы: *интеллигенция – самая образованная и лучшая часть общества; духовная интимность; молодежь бодрее и сознательнее смотрит на жизнь; умственный и нравственный подъем; образованная женщина всего скорее оздоровит и облагородит нашу семейную и общественную жизнь; уверенность русских в своем превосходстве* (П. Д. Боборыкин, В. А. Гольцев). Боборыкину удается создать литературный психотип интеллигенции «как самой образованной и лучшей части общества», что находит отклик и в публицистике 1891–1905 гг.

Параллельно с оптимистическим образом интеллигенции в журнале зарождается другая тенденция, которая станет определяющей

в «веховский» период, и здесь формулируется в таких высказываниях: *упадок нравов в творчестве; необходимость общей нервно-психической гигиены; аскетические недуги нашей интеллигенции; дилетанты, любители; общество точно одичало*. Эта линия связана с творчеством А. П. Чехова.

Писатель не стремился к выделению интеллигенции из общества и не считал интеллигенцию лучшей его частью. Чехов оказался предвестником «Вех», канонической фигурой для III-го периода, где в критике интеллигенции и призыве к рефлексии формируется канонический образ интеллигенции, отбираются и входят в этот канон наиболее значимые в художественном, публицистическом, идейном смысле тексты журнала. В период 1906–1918 гг. определяется представление об интеллигенции начала XX в.: *в интеллигентском познании поиск истины замещен отстаиванием социальной справедливости; героизм русской интеллигенции демонстративный, поверхностный; ее самосознание сужено набором стереотипизированных социальных идеалов; русская интеллигенция недостаточно рефлексивна; русская интеллигенция недисциплинирована, незаконопослушна, не уважает права личности; отщепенство, отчуждение от государства и враждебность к нему* (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, П. Б. Струве, А. С. Изгоев).

Все это составляет основу представлений интеллигенции о себе, ее классической психографии, представленной статьями сборника «Вехи» (1909–1910 гг.). Сутью этой канонической психографии становится самообвинение, самоотрицание интеллигенции, признание нелигитимности всей своей деятельности и отщепенства от народа и государственной власти.

Интеллигентский дискурс утратил свою остроту и пространность после революции 1917 года и особенно в последующие годы, поскольку «ум, честь и совесть» эпохи и народа были закреплены уже не за трудно определяемой социальной группой, а за вполне четко организованной политической структурой – КПСС, но он не прекратил своего развития, при этом сохранив свою амбивалентность в пространстве антиномий свобода – несвобода, антинародность – народопоклонство, противогосударственность – служение Родине и др. При этом голос «интеллигентской самокритики резонирует, но не сливается с антиинтеллигентскими высказываниями враждебных интеллигенции общественных структур и группировок» (Лотман, 1999, с. 121). Анализ дискурса показывает, что если в XIX–начале XX вв. (т. е. до «Вех» и некоторое время после, до октябрьского переворота) интеллигенция даже в самообвинениях не отказывалась от своего звания и призвания – быть интеллигенцией, сохраняла свою идентичность,

то советская эпоха и особенно постсоветская перестройка приводят к отрицательным описаниям интеллигенции и к невозможности идентифицировать представителей этой группы.

Письменные источники позволяют не только выявить содержание представлений об интеллигенции, но и их динамику. К сожалению, мы не можем узнать представлений об интеллигенции у рабочих, крестьян и других слоев населения, живших в конце XIX–начале XX вв., поскольку они были неграмотны. Однако мы можем это сделать в современной реальности.

С этой целью нами составлена анкета, включающая четыре вопроса: *пожалуйста, приведите суждения, которые приходят Вам в голову об интеллигенции; пожалуйста, назовите характеристики интеллигентного человека; опишите, пожалуйста, хорошо Вам известного интеллигентного человека; относите ли Вы себя к интеллигенции?* Полученные данные послужат для создания шкалы, описывающей семантическое пространство концепта «интеллигенция», которая, возможно, позволит выявить идентификационные «интеллигентские» признаки. В исследовании участвуют представители групп, потенциально предполагающих интеллигентскую идентичность: студенты, преподаватели вузов, сотрудники библиотек, ученые, представители творческих профессий; а также люди, занятые в производстве, сфере обслуживания и коммерции – как с высшим образованием, так и без него. В настоящее время на уровне результатов пилотажного исследования, не подвергавшихся еще статистической обработке, мы можем оперировать только непосредственно высказываниями и сделать предварительные выводы.

Понятия «интеллигенция» и «интеллигент» не всегда четко разделяются в представлении общества. Среди студентов 5 курса (средний возраст 21 год) механико-математического факультета (специальность «Компьютерная безопасность и защита информации») 77% опрошиваемых смогли сформулировать определение интеллигенции и интеллигентного человека по отдельности; среди студентов 5 курса (средний возраст 21 год) факультета психологии (специальность «Педагогика и психология») – 50%; служащие организации «ООО Газпром Трансгаз Самара» (средний возраст 54 года) в большинстве своем определили обе категории – 86%; и самый высокий уровень дифференциации этих понятий обнаружен у людей без высшего образования – 91% (средний возраст 36 лет).

При этом высказывания не однородны по объему и содержанию. Самые сложные и пространные представления у студентов мехмата. Часть из них констатирует скорее отсутствие интеллигенции в современной России: *«Я думаю, что интеллигенция умерла в каких-ни-*

будь древних временах. Но и в наше время встречаются исключения». «Я считаю, что интеллигенция – нужный и важный слой общества, но по сути своей крикливый и бездейственный». «Я не считаю, что интеллигенция нуждается в том, чтобы о ней думали».

Но большинство высказываний вполне «рифмуется» с «до-веховским» пониманием интеллигенции: «Мне кажется, что интеллигенция – это один из важных отличительных признаков русскоязычного населения от других, так как понятие интеллигенции в понимании не только ум, но и духовность, существует только в России. И поэтому интеллигенция является одним из ключей к пониманию русского менталитета. В России интеллигенция – это важная прослойка общества, формирующая критичный взгляд на политические события, вносящая инновационные идеи и мысли» и с представлением об интеллигенции, сложившимся в советские годы: «Интеллигенция – слой, занимающийся умственным и творческим трудом, развитием образования, культуры и духовности в обществе. К интеллигенции относятся актеры, учителя, врачи, ученые», но более иронично: «Каждый кошерный интеллигент должен прожить жизнь так, чтобы соответствовать самому точному из определений, данных интеллигенции ее благодарным народом – совесть нации».

Студенты психологического факультета не выдвигают содержательных суждений и в понятие «интеллигенция» включают в основном перечень профессий: «врачи, учителя»; «профессор, ученый, литературный кружок» и негативные социальные характеристики: «интеллигенция – невысокого материального уровня; не особо ценится в обществе»; «в недалеком прошлом такого рода люди высмеивались из-за некоторых особенностей, например, излишней скромности, чопорности, странного внешнего вида...».

Работники «Газпрома» также приводят противоречивые характеристики, зачастую просто умозрительные: «Гнилая интеллигенция. И до и после 1917 года». «Интеллигенция в том масштабе, в котором она существует в России – исключительно российское явление», и в целом – отрицательное: «Те, кто продолжают себя считать интеллигентами, глубоко ошибаются (заблуждение или, скорее, лукавство)». Только одно высказывание, положительно описывающее интеллигенцию: «Основной класс общества, от которого зависит состояние политики, экономики и культуры государства».

Наиболее позитивные представления об интеллигенции высказывают люди без высшего образования: «Интеллигенция – это люди интеллектуального труда, имеющие высокие моральные принципы» (49 лет, рабочий). «Без данного слоя общества мы не можем существовать» (29 лет, медсестра). «Интеллигенция – это определенная

прослойка общества, которая наиболее образована и зарабатывает на жизнь собственным умом. Это люди не богатые, целеустремленные, постоянно развивающие свой интеллект, с хорошими манерами поведения в обществе» (28 лет, командир взвода). «Интеллигенция – это в первую очередь то общество, в котором все антиморальные устои не признаются» (23 года, заведующая складом). Кроме социальных характеристик, здесь выделяются и психологические: «Интеллигенция – это внутреннее состояние человека (а соответственно, проявляется и внешне). Это некое состояние духовной чистоты, доброты и образованности» (21 год, работник почты). Однако в этой группе понятия «интеллигент» и «интеллигенция» мало разделяемы.

Если говорить о характеристиках интеллигентного человека, то они представлены компонентами: интеллект, духовность и нравственность, гражданская позиция, воля, внешний вид, поведение в обычной жизни и в конфликтах, общительность, недостатки. Не будем рассматривать эти характеристики подробно, но отметим, что во всех группах выделяется, что интеллигент – прекрасный собеседник, сдержан, умеет вести себя в конфликте, умеет выслушать.

Для трех групп (кроме служащих «Газпрома») интеллигентный человек обязательно опрятно одет, иногда упоминается, что еще и со вкусом: «Интеллигентный человек выглядит примерно так: он всегда выглажен, причесан, побрит и пострижен. Если ему на работу, он с вечера приготовит, что ему нужно одеть, постирает, погладит. Если на его брюках вдруг сядет пылинка, он будет ее бережно убирать своими лощеными ручками и снова станет как с иголочки!» (студентка механико-математического факультета). Для представителей группы лиц без высшего образования важным маркером интеллигента выступает отношение к женщине: «Будь это девочка, девушка, жена или знакомая, коллега по работе. Даже в обыкновенном, обыденном разговоре он ведет себя галантно и, общаясь с женщиной, старается превознести ее. Так как воспринимает ее подобно божеству, дающему жизнь» (39 лет, зубной техник).

Что касается последнего вопроса: относите ли Вы себя к интеллигенции, то среди студентов мехмата к таковым себя напрямую никто не относит, но встречаются ответы: «будущее покажет» или «когда я вырасту, то постараюсь быть интеллигентом» (60% ответов); студенты психологического факультета – 8% – относят себя к интеллигенции; служащие Газпрома – 43% осознают себя интеллигентами и 33% – «в некоторой мере». Разнообразные ответы у лиц без высшего образования: 23% считают себя интеллигентами, 14% – «частично»; «стремление высоко» у 14% и «пока нет» тоже у 14% опрошиваемых, но тенденция к тому, чтобы признать себя интеллигентами существует.

Очевидно, что сегодня мы имеем дело с представлениями об интеллигенции двух порядков – традиционно книжными, в рамках интеллигентского дискурса, и обыденными – действительно, представлениями людей об интеллигенции. И если первые, как в похвалах, так и обвинениях апеллируют к духовным и нравственным характеристикам интеллигенции, то последние скорее напоминают описания просто вежливого и социально адаптированного человека.

Литература

- Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910 гг. / С предисловием В. Шелохаева. М.: «Молодая гвардия», 1991.
- Лотман Ю. М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. Материалы международной конференции, Неаполь, май 1997. Россия / Russia. Новая серия под ред. Н. Г. Охотина. Вып 2. М.: О. Г. И., 1999. С. 121–149.
- Сушков И. Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект, Изд-во ИП РАН; Екатеринбург: Деловая книга, 1999.

МУЖЧИНА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ. ПРИЧИНЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МУЖСКОЙ СУЩНОСТИ

Ю. В. Бражник (Смоленск)

В последнее десятилетие в научной литературе появляется немало монографий и статей, посвященных трансформации образа мужчины в современном обществе, кризисе маскулинности, изменению традиционной роли мужчины в семейной жизни. Предположительно, трансформация мужского гендерного конструкта связана с попыткой женщин уравнивать свои права с мужчинами, получить независимость во всех сферах общественной и семейной жизни. В настоящее время женщины наравне с мужчинами занимают руководящие посты в правительстве, в структурах власти, в силовых ведомствах, в профессиональном спорте, охоте, т. е. женщины вторглись в истинно мужские сферы деятельности. Соответственно, существенно понизился статус мужчин в обществе. Таким образом, можно говорить о кризисе мужественности и трансформации образа мужчины в современной культуре.

Наиболее полно охарактеризовала уже ранее происходившие кризисы мужественности Э. Бадинтер. Она считает, что все кризисы возникали в странах с утонченной культурой, где женщины пользовались большей свободой (Бадинтер, 1995, с. 25). Бадинтер выделяет два периода кризиса мужественности: первый – в XVII и XVIII вв.

во Франции и Англии; второй – кризис мужественности на рубеже XIX и XX вв. в Соединенных Штатах Америки и странах Европы. Кризис мужественности в XVII и XVIII вв. во Франции и Англии возник в связи с пересмотром роли мужчин и понятия мужской сущности французскими жеманницами. Жеманницы полностью отрицают власть отца и мужа, они осуждают брак по сговору и материнство. Любовь, по их мнению, это чувство, которое испытывает именно мужчина к женщине, а не наоборот. Эти правила приняли не все мужчины, а только жеманники, их было очень мало, но, тем не менее, они оказали очень большое влияние на феминизацию мужчин этого периода. В Англии спор о мужской сущности принял значительно более яркий характер. По Бадинтер, «Феминизированный мужчина, усвоивший женскую манеру поведения, вызывает сомнения, не гомосексуалист ли он. Подобная мысль, однако, не приходит в голову французу, когда он видит перед собой того же жеманника. «Новый» мужчина в эпоху английской Реставрации предстает в образе гомосексуалиста, такого же пустого, болтливового и очаровательного, как женщина» (Бадинтер, 1995, с. 29).

Кризис мужественности на рубеже XIX–XX-го столетий затронул страны Европы и Соединенные Штаты Америки. Все эти страны пережили похожие экономические и социальные потрясения, в основе которых лежали новые реалии, связанные с индустриализацией и становлением демократии. Кроме того, женщины требовали предоставления им прав наравне с мужчинами, работы вне дома, получения высшего образования. В связи с этим у мужчин возник страх перед феминизацией, перед тем, что им придется выполнять женскую работу. В этот период времени женщины становятся мужеподобными, они утрачивают свою женственность, нежность, мягкость, а у мужчин же, наоборот, эти качества начинают ярко проявляться.

Единственным выходом из этого кризиса могло стать разделение границ и обязанностей мужчин и женщин, выполнение их первоначальных, традиционных качеств, функций и ролей. «Для того чтобы мужчины смогли вновь обрести мужественность, необходимо, считает Бадинтер, чтобы женщины вернулись на свое природой уготовленное им место. Лишь восстановление границ между полами излечит мужчин от их тревог, связанных с определением своей сущности». Ложное предположение о том, что равенство тождественно идентичности, является одной из причин специфического явления в нашей культуре – уменьшения, стирания различий между полами. «Женщины пытаются вести себя, как мужчины, а мужчины, соответственно, – как женщины, и различие между мужским и женским, между мужчиной и женщиной постепенно исчезает» (Фромм, 1998, с. 118)

В России проявления кризиса мужественности можно отнести ко второй половине XX в. По мнению Е. А. Здравомысловой, «в позднесоветском дискурсе «кризис маскулинности» – это метафора, за которой скрывается признание социальной болезни общества. Невозможность исполнения традиционных мужских ролей, связанная с ограничениями либеральных прав (собственности, политических свобод, свободы совести), имплицитно считается причиной разрушения истиной мужественности» (Здравомылова, Темкина, 2002, с. 343). Здравомылова считает, что последствия кризиса маскулинности развиваются в двух направлениях: экономическом и социальном. В настоящее время, по мнению С. А. Орлянского, выделяется еще один кризис мужественности, который можно отнести к концу XX–началу XXI вв. (Орлянский, 2004) Здесь можно выделить три основных причины трансформации образа мужчины в современной культуре: биологические, социокультурные, психологические.

Таким образом, можно сделать вывод, что на протяжении всего развития человечества в отдельные кризисные периоды происходит трансформация традиционного образа мужчины в обществе, семье и культуре. Это связано с тем, что женщины, переосмысливая свою сущность, пытаются заниматься мужскими профессиями, выполнять мужские функции, следствием чего является маскулинизация образа женщины. Мужчины утрачивают свою традиционную идентичность и не пытаются ее вернуть. Происходит трансформация мужских гендерных ценностей. Постепенно появляются новые образы и субкультуры.

Литература

- Бадинтер Э. Мужская сущность. М., 1995.
Здравомылова Е., Темкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже (N) ственности: сборник статей / Сост. С. Ушакин. М., 2002.
Орлянский С. А. Трансформация образа мужчины в современной культуре: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2004.
Фромм Э. Мужчина и женщина. М., 1998.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОФИЛЕЙ ЛИЧНОСТИ СПОРТИВНЫХ И МУЗЫКАЛЬНЫХ ФАНАТОВ

Е. А. Гагарина (Казань)

Актуальность исследования темы фанатизма как отдельной стороны аддиктивного поведения заключается в том, что в XXI в. число разрушительных аддикций увеличивается с каждым днем. Они ведут

к изоляции и социальной дезадаптации, последствиями которых являются различной степени психопатологии, присоединение и развитие химической зависимости (Куница, 2006, с. 1).

Объектом нашего исследования стал музыкальный и спортивный фанатизм, а предметом – профили личностей музыкальных и спортивных фанатов. Целью настоящей работы было изучение личностных особенностей спортивных и музыкальных фанатов, а также выявление сходств и различий в их личностных профилях.

Выявление сходств и различий в профилях личности спортивных и музыкальных фанатов имеет большую практическую значимость и состоит в возможности дифференцировки их личностных черт для дальнейшей работы с ними, так как данные явления, кажущиеся, на первый взгляд, очень похожими, все же различны, а следовательно, и работа с музыкальными и спортивными фанатами должна проводиться с учетом присущих конкретному виду фанатизма особенностей.

Особой разновидностью аддиктивного типа девиантного поведения является создание кумира. Увлечение какой-либо деятельностью, достигающее крайней степени выраженности с формированием культа и создания идолов с полным подчинением человека и «растворением» индивидуальности, носит название *фанатизма* (Менделевич, 2005, с. 120). *Существует несколько критериев отнесения болельщика к числу спортивных фанатов*: активное посещение домашних матчей спортивной команды; ежегодное совершение нескольких выездов в другие города на гостевые матчи спортивной команды; знание и принятие субкультуры спортивных фанатов. *Музыкальный фанатизм* становится все более опасным. В сознании нормального здравомыслящего человека не укладывается, почему человек может настолько боготворить другого человека, вплоть до самопожертвования и суицида. Многие поклонники, особенно в юном возрасте, проходят стадию фанатизма по отношению к любимому исполнителю. Обычно целью музыкальных фанатов является физическая близость к своему кумиру: дружба, общение, любовь. Музыкальный фанатизм начинается со стирания границ между творчеством исполнителя и его личностью.

В настоящем исследовании приняли участие 60 чел.: 1 выборка – 30 чел., официально состоящих в музыкальных фан-клубах (музыкальные фанаты; средний возраст – 17 лет); 2 выборка – 30 чел., официально состоящих в спортивных фан-клубах (спортивные фанаты; средний возраст – 26 лет).

В результате исследования были получены следующие результаты.

Спортивные и музыкальные фанаты сходны по следующим параметрам: «ритуальное» поведение; ведомое поведение, следование

лидеру; боязнь перемен или возврата в реальность; потребность в признании, проявляющаяся через эксцентричность внешности, поведения и высказываний, которые, в свою очередь, часто ведут к внутреннему дискомфорту; экстрапунитивная направленность реагирования; фанатизм как образ жизни; неуверенность в себе; поверхностность контактов; замкнутость, отгороженность от окружающего мира, эмоциональная холодность; жизнь одним днем.

Музыкальные фанаты имеют в своем профиле выраженность следующих параметров: сильная выраженность аддиктивного поведения предполагает умение преодолевать препятствия на пути достижения цели; боязнь быть отвергнутым в фан-группе; демонстративность внешнего благополучия вкупе с наличным состоянием внутреннего одиночества порождают трудности переживания и осознания влечений и побуждений; трудности преодоления препятствий и выбора между значимыми целями выступают как следствие неуверенности в себе, инфантилизма; трудности регуляции панических реакций тревожности; соблюдение «ритуалов» во избежание возникновения тревожных состояний, «ритуальное» поведение как внушенное; трудности регуляции эксцентричного поведения, а также повышенной эмоциональности; неспособность сделать окончательный выбор между реальностью и «бегством» от нее.

Музыкальные фанаты более, чем спортивные фанаты, тревожно-мнительны по типу характера, им свойственны боязливость, нерешительность, постоянные сомнения. А также музыкальные фанаты тяжелее, чем спортивные фанаты, переживают влечения и побуждения, осознают их, у них возникают затруднения с субъективным восприятием свободы волевого акта.

Спортивные фанаты имеют в своем профиле выраженность следующих параметров: риск присоединения другого вида аддикции; приподнятое настроение как сопутствующий фактор спортивного фанатизма; четкое знание и осознание целей и желаний; отсутствует осознание того, что демонстративное поведение идет вразрез с социальными нормами и может быть наказано; неустойчивость настроения сочетается с безволием; отсутствие сомнений порождает активную деятельность; разделение социальных норм; неуверенность в себе проявляется в закрытости; трудности прогнозирования, которые ведут к нереализованности волевых действий.

Таким образом, данное исследование показало, что такие социальные явления, как спортивный и музыкальный фанатизм, имеют и общие, и различные черты и их нельзя рассматривать, как один и тот же феномен.

Литература

Куница М. Ю. Аддиктивные расстройства личности // Доклад. 2006, август.
Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения // Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2005.

УГРОЗА ЗДОРОВЬЮ В ОБЫДЕННОМ ВОСПРИЯТИИ: СЛУЧАЙ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАНИЯ И СПИДА

Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Н. Н. Хащенко (Москва)

Проблема восприятия угрозы здоровью образует особую и недостаточно исследованную область в психологии. Трудность ее изучения связана, с одной стороны, со сложностью анализа обыденного сознания, его механизмов и факторов, а с другой, с самим предметом восприятия – угрозой здоровью, как эмоционально заряженным феноменом.

Ситуация в стране усугубляет эту проблему. Мониторинг показателей заболеваемости и средней продолжительности жизни обнаруживает резкое ухудшение этих параметров в последние годы. С 1988 г. регистрировался рост хронических заболеваний у населения, а также возникновение у пациентов сразу нескольких заболеваний, эпидемиологические заболевания переместились на более высокие места в общей структуре заболеваемости. С 1988 г. началось снижение ожидаемой продолжительности жизни, и к 1994 г. она достигла 63,88 года, что является самым низким значением среди экономически развитых стран. ВИЧ-инфицирование вносит в эту статистику свой вклад. При этом темп снижения продолжительности жизни был катастрофически высок: за 5 лет падение составило 5,84 года. В наибольшей степени пострадали мужчины трудоспособного возраста (Шилова, 1999, с. 85). Эти негативные изменения произошли за годы перестройки в связи с постоянным психоэмоциональным перенапряжением населения. Как таковая ценность здоровья упала, особенно у людей трудоспособного возраста.

Многие исследования свидетельствуют о наличии страхов у населения. Очень распространенным является страх потери работы. По данным В. А. Аникина (2006, с. 15), такой страх в разной мере испытывает 55% работающего населения. Как правило, этот страх связан с опасностью ухудшения материального положения. Эти страхи россиян являются следствием существования объективных барьеров, которые они не способны преодолеть, а в их числе плохое здоровье, наличие в семье иждивенцев и другие причины. Типичным видом

страха является страх утраты здоровья, потеря которого может привести к снижению уровня и качества жизни, к хронической бедности (Горшков, 2006, с. 6).

Помимо страхов россияне, по данным на 2006 г., испытывают и другие деструктивные чувства: чувство беспомощности (80%), ощущение несправедливости (90%), опасения относительно невозможности получить медицинскую помощь (29%), чувство отчаяния (17%) особенно часто фиксируется у пожилых людей и части населения с низким ресурсом образования, здоровья и условий жизни (Аникин, 2006, с. 17). Характерно, что доля россиян, никогда не испытывавших ни одного из этих деструктивных чувств, составляет всего 5%. На фоне подобного эмоционального неблагополучия особенно актуальным представляется изучение субъективно воспринимаемой угрозы здоровью. ВИЧ-инфицирование и заболевание СПИДом составляют один из реальных предметов такой угрозы для любого человека по причине возможности непредвиденного заражения (переливание крови, необработанные медицинские инструменты и т. п.). Другими причинами страха перед заражением является отсутствие надежных средств профилактики и лечения, дороговизна лечебных препаратов, слабость системы социальной поддержки заболевших.

Для проверки этих предположений и построения программы эмпирического изучения проблемы восприятия угрозы заражения ВИЧ-инфекцией было проведено пилотажное исследование, осуществленное с помощью метода полуструктурированного письменного опроса. Респондентами выступили студенты старших курсов гуманитарных факультетов очного и второго высшего образования. В результате предварительного анализа данных было изучено несколько аспектов проблемы: являются ли ВИЧ-инфицирование и заболевание СПИДом серьезными проблемами нашего времени; считают ли респонденты, что эта проблема касается их лично; что должен предпринимать человек, чтобы обезопасить себя от возможного инфицирования; какие чувства вызвало бы у респондентов сообщение о заболевании СПИДом кого-то из числа их близких знакомых; и, наконец, как общество должно относиться к ВИЧ-инфицированным.

Полученные данные были подвергнуты тематическому контент-анализу, в итоге которого выделились несколько наиболее часто используемых респондентами интерпретаций проблемы. По теме серьезности и остроты затронутой проблемы большая часть респондентов высказалась положительно, особо подчеркнув негативное отношение общества к больным и инфицированным, угрозу, которую представляет собой заболевание для всех слоев населения, эпидемический характер распространения инфекции, недостаток бдитель-

ности и предосторожности со стороны населения. Тема отношения проблемы ВИЧ и СПИДа к себе лично респондентами трактовалась в напряженно-эмоциональном ключе. Часто звучали тревожные высказывания о возможности случайного заражения, неэффективности лечения, недостатка средств на него. Обезопасить себя, по мнению респондентов, можно правильным образом жизни, разборчивостью в связях, предохранением при сексуальных контактах, повышением своей информированности относительно поднимаемой проблемы. Тема возможности заболевания СПИДом кого-то из числа близких знакомых респондентов вызвала эмоциональный ответ в виде шока, страха, ужаса, а также вероятной жалости, сочувствия, попыток помочь. Тема того, как общество должно относиться к ВИЧ-инфицированным, однозначно трактовалась как необходимость большей терпимости, реальной социальной помощи и психологической поддержки.

Таким образом, предварительный анализ проблемы позволяет предполагать, что социально-психологическая модель угрозы здоровью с необходимостью должна базироваться на изучении социальных эмоций, связанных с этой проблемой, и особенностей представлений о ВИЧ-инфицировании и СПИДе, сути болезни, особенностях физического и психологического состояния больных и отношения к ним общества.

Литература

- Аникин В. А.* Жизненные проблемы россиян и их запросы к социальной политике // Социс. 2006. № 12 (272). С. 15–21.
- Горшков М. К.* Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // Социс. 2006. № 12 (272). С. 3–8.
- Шилова Л. С.* Трансформация самосохранительного поведения // Социс. 1999. № 5. С. 102–112.

ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМЫХ СТУДЕНТОВ

М. И. Дрепа (Ставрополь)

В связи с возрастающей компьютеризацией и «интернетизацией» российского общества стала актуальной проблема патологического использования Интернета, обозначенная в зарубежной литературе в конце 80-х годов прошлого столетия. В период с 2002–2008 гг. число Интернет-пользователей в России выросло с 8% (8,7 млн чел.) до 30% (34,4 млн чел.), а уровень суточной аудиторией – с 2% (2,1 млн

чел.) до 16% (17,7 млн чел.). Основными пользователями Интернета в России на сегодняшний день являются молодые люди в возрасте от 18–24 лет. Вместе с увеличением количества пользователей Интернета в мире растет уровень интернет-зависимости.

Основными направлениями в изучении интернет-зависимости в современной науке являются: разработка ее диагностических критериев; изучение влияния виртуальных взаимоотношений на личность пользователя Интернета; исследование идентичности пользователей Интернета и процессов их самопрезентации в сети; изучение психологических аспектов коммуникативных процессов, реализуемых посредством сети Интернет.

На сегодняшний день выявлены основные причины и механизмы развития зависимости от Интернета. Американским психологом К. Янг были выделены основные предпосылки и стадии развития данного вида зависимости. В созданном ей «Центре он-лайн зависимости» разработана трехуровневая модель, объясняющая приверженность к применению Интернета. Р. Дэвисом предложена когнитивно-поведенческая модель патологического использования Интернета. Доктором М. Орзак была проведена систематизация критериев интернет-зависимости с выделением психологических и физических симптомов данной зависимости.

В России проблема интернет-зависимости начала изучаться только в последнее десятилетие. А. Е. Войскунским и А. В. Котляровым разработаны критерии данного вида зависимости. В. Д. Менделевич выделил типы интернет-зависимых личностей. А. Е. Жичкиной, Н. В. Чудовой, Л. Н. Юрьевой, Т. Ю. Ботьбот исследованы особенности личности интернет-зависимых подростков.

Несмотря на рост количества исследований данного вида зависимости, проблема влияния интернет-зависимости на личностные характеристики современного студенчества остается малоизученной. Так, возрастает количество пользователей Интернета в возрастной группе от 18–24 лет, но выявление среди них интернет-зависимых пользователей, диагностика степени их интернет-зависимости, исследование их личностных особенностей и оценка динамики личностных характеристик зависимых пользователей в данной возрастной группе в настоящее время не проводится.

Принимая во внимание прогнозы темпов роста распространенности Интернета в России, рост удельного веса молодежи среди пользователей Интернета, формирование интернет-зависимости у четверти пользователей в первые полгода после начала работы в Интернете, можно заключить, что изучение влияния интернет-зависимости на личностные характеристики современной молодежи является

актуальной проблемой современной психологии. Изучение данной проблемы позволит разработать профилактическую и психокоррекционную программу для предупреждения изменений личности интернет-зависимых пользователей. С учетом актуальности данной темы, целью нашего исследования стало изучение эмоционально-волевой, мотивационной и коммуникативной сфер личности интернет-зависимых студентов.

Исходя из цели исследования, в качестве его объекта выступили личностные характеристики интернет-зависимых студентов, а предметом исследования явились особенности эмоционально-волевой, мотивационной и коммуникативной сфер их личности.

Основными задачами проводимого нами исследования были: диагностика уровня интернет-зависимости среди современных студентов; выявление интернет-зависимых студентов; изучение особенностей эмоционально-волевой, мотивационной и коммуникативной сфер их личности; изучение динамики личностных характеристик данной группы студентов в зависимости от степени интернет-зависимости и сравнение психологических характеристик личности интернет-зависимых студентов с данными характеристиками студентов, не имеющих интернет-зависимости.

Для решения поставленных задач в ходе исследования использовался комплекс методик, включающий: тест на интернет-зависимость К. Янг в трактовке В. А. Буровой и опросник «Восприятие Интернета» Е. А. Щипилиной, используемые для изучения роли глобальной сети Интернет в жизни студента и диагностики у них уровня интернет-зависимости; шкала реактивной тревожности Ч. Д. Спилберга–Ю. Л. Ханина, тест «Самооценка силы воли» Н. Н. Обозова, тест на стрессоустойчивость, методика самооценки личности Будасси, тест уверенности в себе Райдаса, опросник депрессии Бека и опросник Басса–Дарки – для изучения эмоционально-волевой сферы личности; методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона и тест «Самооценка конфликтности» С. М. Емельянова – для диагностики коммуникативной сферы личности и методика диагностики мотивации успеха и боязни неудачи Т. Элерса – с целью изучения направленности мотивационной сферы личности.

Исследование проводилось на базе ГОУ ВПО «Ставропольская государственная медицинская академия». В ходе проводимого исследования приняли участие 287 студентов в возрасте от 18–25 лет.

На основании теста на интернет-зависимость К. Янг все испытуемые были разделены на 2 группы. В контрольную группу (КГ) вошли 137 чел. (47,7%), не имеющие интернет-зависимости, в эксперимен-

тальную – 150 чел. (52,3%), имеющие интернет-зависимость различной степени. Согласно тесту К. Янг, все опрошенные, имеющие интернет-зависимость, были разделены на 3 группы: лица с низкой степенью интернет-зависимости (НСт ИЗ) составили 30%, лица со средней степенью (СрСт ИЗ) – 55% и лица с высокой степенью (ВСт ИЗ) – 15%.

Для изучения роли глобальной сети Интернет в жизни современных студентов анализировались основная цель, стаж, частота и длительность использования Интернета; частота превышения запланированного времени пребывания в Интернете; частота пренебрежения личными делами в связи с пребыванием в Интернете и частота недовольства окружающих виртуальной жизнью студента.

Анализ эмпирических данных позволил заключить, что на сегодняшний день Интернет играет важную роль в жизни современной молодежи. Это подтверждается каждодневным посещением ими глобальной сети Интернет, очень частым превышением времени пребывания в Интернете (в среднем 10–20 часов в неделю), пренебрежением личными делами в связи с пребыванием в Интернете, частыми жалобами окружающих на проведение студентом слишком большого количества времени в Интернете. Тот факт, что основной целью использования современной молодежью Интернет-среды является общение, свидетельствует о наличии у интернет-зависимых студентов трудностей в формировании и успешном осуществлении межличностного общения в реальной жизни.

При изучении эмоционально-волевой сферы личности интернет-зависимых студентов исследовались: уровни личностной тревожности, депрессии, агрессивности и враждебности, воли, стрессоустойчивости, уверенности в себе и самооценки личности.

Для студентов контрольной группы был характерен низкий уровень личностной тревожности, а при возрастании степени интернет-зависимости данный показатель повышался, и лица с высоким уровнем интернет-зависимости характеризовались высоким уровнем личностной тревожности. Увеличение уровня тревожности у интернет-зависимых студентов свидетельствует о склонности данной группы студентов воспринимать все более расширяющийся круг ситуаций как угрожающий, что выражается в постоянном общем чувстве напряженности; представлениях о своей социальной неспособности, личностной непривлекательности и приниженности по отношению к другим; повышенной озабоченности критикой в свой адрес; нежеланием вступать во взаимоотношения без гарантий понравиться; ограниченности жизненного уклада.

Студенты контрольной группы характеризовались низким уровнем депрессии, по мере увеличения степени интернет-зависимости

уровень депрессии возрастал и у студентов с высокой степенью интернет-зависимости отмечался высокий уровень депрессии, что выражалось в подавленном настроении, не зависящем от обстоятельств; потере интереса или удовольствия от ранее приятной деятельности; выраженной утомляемости и пессимизме; чувстве вины, бесполезности, тревоги и страха; неспособности концентрироваться и принимать решения.

Повышение уровня агрессивности и враждебности по мере увеличения степени интернет-зависимости свидетельствует о повышенной готовности этих студентов к агрессии, склонности воспринимать и интерпретировать поведение других людей как враждебное, что приводит к формированию потенциально агрессивного восприятия как устойчивой особенности мировосприятия и миропонимания данной группы студентов. Повышенная агрессивность интернет-зависимых студентов формируется как форма протеста против непонимания общества и в связи с неудовлетворенностью своим положением в обществе.

При исследовании силы воли интернет-зависимых студентов было установлено, что для студентов контрольной группы характерен высокий показатель волевой характеристики. При увеличении степени интернет-зависимости происходило снижение данного показателя, и для студентов с высоким уровнем интернет-зависимости был характерен низкий уровень силы воли. Снижение показателей силы воли у интернет-зависимых студентов проявлялось в неумении сдерживать свои чувства, в импульсивных и необдуманных действиях, в неумении владеть собой и заставлять себя выполнять задуманное действие и свидетельствует о нарушении способности преодолевать трудности на пути к цели в реальной жизни, что способствует прогрессированию зависимости от Интернета за счет возможности переноса цели из реальной жизни в виртуальную.

В результате изучения уровня стрессоустойчивости интернет-зависимых студентов было выявлено снижение данного показателя по мере повышения степени интернет-зависимости, что свидетельствует о нарушении способности интернет-зависимых студентов переносить значительные интеллектуальные, волевые и эмоциональные нагрузки без вредных последствий для деятельности, окружающих и своего здоровья. Низкая степень уверенности в себе у большинства интернет-зависимых студентов возникает как следствие негативных оценок собственных достижений и своего образа и характеризуется недостаточно ясными формулировками намерений; неполными планами действий; негативной оценкой результатов действий, приводящих к возникновению дефицитных стереотипов поведения. Неуверенность в себе свидетельствует о том, что данная категория

студентов зависит от мнения окружающих, что приводит к их несамостоятельности, неспособности принимать ответственные решения и брать на себя обязательства, что формирует у данных студентов пассивную позицию, что приводит к снижению уровня самооценки, отчуждению от окружающих и погружению в депрессию.

Исследование уровня самооценки показало, что в контрольной группе отмечается высокий уровень самооценки, по мере же нарастания степени интернет-зависимости уровень самооценки снижается. Так, лица с низкой степенью зависимости характеризовались нормальным уровнем самооценки, а лица со средней и высокой степенью – низким уровнем. Снижение уровня самооценки при увеличении степени интернет-зависимости вызывает у данной группы студентов чувство неуверенности в себе, робость, невозможность реализовать свои способности. Интернет-зависимые студенты, имея низкую самооценку, чувствуют себя слабыми и недостойными успеха. Отсутствие веры в себя накладывает ограничения на их цели и планы: интернет-зависимые студенты не ставят перед собой труднодостижимых целей, ограничиваются решением обыденных задач; прилагаемые ими усилия меньше потенциально возможных. Низкая самооценка нарушает у этих студентов процесс самоуправления и повышает их конфликтность. Помимо вышесказанного, данная группа студентов за счет низкого уровня самооценки и недостатка необходимых навыков испытывает социальную неуверенность, менее склонна к установлению новых взаимоотношений или углублению существующих, что в свою очередь увеличивает риск одиночества среди интернет-зависимых студентов в реальной жизни и компенсаторный поиск ими альтернативных методов реализации потребности во взаимоотношениях.

Для характеристики направленности мотивационной сферы личности интернет-зависимых студентов изучались уровни мотивации достижения успеха и избегания неудач. При анализе полученных результатов было установлено, что в контрольной группе преобладала мотивация достижения успеха, а уровень мотивации избегания неудач оказался низким, по мере возрастания степени интернет-зависимости уровень мотивации достижения успеха снижался, а уровень мотивации избегания неудач возрастал и у студентов с высокой степенью интернет-зависимости данный уровень оказался завышен. Преобладание мотивации избегания неудач при увеличении степени интернет-зависимости свидетельствует о том, что цель интернет-зависимых студентов заключается в том, чтобы избежать неудачи, что выражается в предпочтении интернет-зависимыми студентами наиболее легких или наиболее трудных задач. Проявлениями домини-

нирования мотивации избегания неудач у интернет-зависимых студентов является также неуверенность в себе, заниженная самооценка и нереалистичный уровень притязаний.

Для характеристики коммуникативной сферы личности интернет-зависимых студентов в ходе нашего исследования оценивались уровни конфликтности и одиночества. Анализ полученных результатов показал, что у студентов контрольной группы были выявлены низкий уровень конфликтности и степень одиночества, в то время как по мере возрастания степени интернет-зависимости данные показатели увеличивались. Высокий уровень одиночества у интернет-зависимых студентов свидетельствует о межличностном обеднении реальной жизни данной группы студентов и о компенсаторном развитии зависимости вследствие недостатка вербального общения, что обуславливается недостатком необходимых навыков для установления новых и укрепления существующих взаимоотношений и наличием трудностей в формировании и успешном осуществлении межличностного взаимодействия за счет высокого уровня конфликтности у интернет-зависимых студентов. Конфликты в данном случае возникают из-за чрезмерной критичности и требовательности данных студентов к себе и к окружающим.

Анализируя результаты, полученные в ходе исследования, можно сделать следующие выводы:

- 1 На сегодняшний день 70% пользователей Интернета имеют средний и высокий уровень интернет-зависимости, что выражается в каждодневном посещении большинством опрошенных глобальной сети Интернет, превышении запланированного времени посещения Интернета (в среднем 10–20 часов в неделю), пренебрежении личными делами в связи с пребыванием в Интернете, в частых жалобах окружающих по данному поводу.
- 2 Для интернет-зависимых личностей характерны: «предвкушение» аддиктивной реализации, проблема контроля, низкая критика к собственному состоянию и нарушения социальной адаптации в реальной жизни.
- 3 Интернет-зависимые студенты характеризуются такими показателями эмоционально-волевой сферы их личности, как высокие уровни личностной тревожности, депрессии, агрессивности и враждебности. При увеличении степени интернет-зависимости происходит дальнейшее повышение этих характеристик. Помимо этого, для интернет-зависимых студентов характерны низкие показатели силы воли, стрессоустойчивости, самооценки и уверенности в себе. При увеличении степени зависимости наблюдается снижение этих показателей.

- 4 Выявленные особенности эмоционально-волевой сферы интернет-зависимых студентов предрасполагают их к увеличению использования интернет-среды за счет возможности конструирования в ней новой виртуальной личности, получения эмоциональной поддержки и признания в Интернете, а также за счет возможности достижения целей не путем развития собственных необходимых качеств, а путем смещения самих целей в виртуальную реальность.
- 5 Интернет-зависимые студенты характеризуются такими показателями коммуникативной сферы, как высокая степень одиночества и конфликтности, что свидетельствует о наличии у интернет-зависимых студентов трудностей в формировании и успешном осуществлении межличностного общения и о преодолении данных трудностей межличностного взаимодействия в реальности путем замещения этого общения на виртуальное за счет возможности конструирования в рамках общения посредством сети Интернет новой виртуальной личности. Наличие трудностей в межличностном общении у интернет-зависимых студентов подтверждается использованием большинством опрошенной молодежи Интернет-среды с целью общения.
- 6 Для мотивационной сферы интернет-зависимых студентов характерно преобладание мотивации избегания неудач над мотивацией достижения успеха, что обуславливает наличие у этих студентов трудностей в процессе социальной адаптации.
- 7 При увеличении степени интернет-зависимости происходит усугубление изменения личностных характеристик интернет-зависимых студентов, что приводит к углублению социальной их дезадаптации и прогрессированию интернет-зависимости.
- 8 Своевременное выявление интернет-зависимых студентов позволит предупредить изменения их личностных характеристик и своевременно провести профилактическую и психокоррекционную работу.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Т. П. Емельянова (Москва)

Проблему репрезентации гражданской ответственности в обыденном сознании нельзя считать досконально разработанной в социально-психологической науке. Эта проблема приобрела акту-

альность в отечественной науке последнего времени благодаря своей социальной остроте в период формирования гражданского общества в России. Понятие гражданской ответственности используется в научной литературе не столько в плане изучения данного феномена как такового, сколько для анализа смежных явлений. Так, в работах Т. В. Водолажской оно упоминается в связи с гражданской идентичностью, А. А. Грицановым при анализе феномена гражданского общества и т. п. Понятие ответственности зарубежными учеными связывается с изучением локуса контроля личности (интернальность-экстернальность), начиная с исследований Д. Роттера. Накоплен огромный эмпирический материал по коррелятам локуса контроля с личностными характеристиками и рядом социально-психологических феноменов (см., например, работы К. Муздыбаева, Е. Д. Дорофеева). Большое внимание проблеме ответственности уделяют российские ученые, такие как К. А. Абульханова-Славская, К. Муздыбаев, Л. И. Диментий и др. Главной особенностью в подходах отечественных авторов является то, что понятие ответственности изучается в контексте социальных явлений. Что касается изучения социальных представлений о значимых феноменах общественной жизни, опыт их исследования в России достаточно обширен. Традиция анализа социальных представлений, сложившаяся во Франции благодаря новаторским работам С. Московичи, Д. Жодле, Ж.-К. Абрика, К. Фламана, М.-Л. Рукетта и их западноевропейских коллег – В. Вагнера, У. Дуаза, Р. Фарра, И. Марковой и др., была творчески осмыслена и воспринята в России. Работы К. А. Абульхановой, Г. М. Андреевой, М. И. Воловиковой, Т. П. Емельяновой, Т. В. Фоломеевой, П. Н. Шихирева, Е. В. Якимовой и других создали отечественную традицию изучения социальных представлений.

Опыт анализа социальных представлений об ответственности ограничивается небольшим числом работ. В частности, они представлены исследованиями Е. В. Пашенко, которая сравнивала в кросскультурном плане социальные представления о различных видах ответственности у российских и французских студентов. Наши исследования, проведенные по ее методике, касались социальных представлений о социальной ответственности у российских студентов (Емельянова, 2006).

В отечественной социальной психологии существует определенный опыт изучения феномена ответственности как личностной черты. Между тем социально-психологический подход к гражданской ответственности как к культурному явлению, рассмотренной на социетальном уровне, требует сравнительного исследования представленности этого явления в обыденном сознании групп населения. Опыт

изучения социальных представлений населения России указывает на то, что гражданская ответственность должна являться предметом социальных репрезентаций в силу общественной актуальности и неоднозначности этого явления. Согласно положениям теории социальных представлений, объект представления – это всегда социокогнитивно «выпуклый» объект (Moliner, 2001), являющийся предметом дискурса на различных уровнях (межличностном, уровне публичных дебатов, в СМИ, а также культурной коммуникации). В случае гражданской ответственности можно наблюдать присутствие (хотя и неравномерное) всех четырех видов дискурса в российском обществе.

Содержание коммуникации по вопросам гражданской ответственности достаточно многообразно, но при этом одной из наиболее активно обсуждаемых является тема позиции человека-гражданина, который должен или не должен сотрудничать с органами государственной власти, если он обладает информацией о нарушениях правопорядка со стороны других лиц. Согласно анализу материалов СМИ и проведенным нами интервью с респондентами разной профессиональной принадлежности, наиболее частыми являются суждения о том, что негативный оттенок факта сотрудничества граждан с государственными органами сохраняется со времен советского прошлого. Если зрелая демократия стимулирует проявление субъектных свойств граждан, создает условия и предпосылки для их актуализации, то авторитарный и тоталитарный режим «глушил» такую спонтанную активность. В обыденном сознании она до сих пор связывается с доношением.

Помимо этого, активное вмешательство граждан в происходящее вокруг них, будь то асоциальное поведение соседей, прохожих на улице, или неудовлетворительная работа коммунальных служб, блокируется боязнью стать жертвой мести, осознанием своей незащищенности перед виновником. Так, Ю. А. Красин (2003, с. 126) справедливо говорит о подрыве веры в сильное государство, в возможность защитить свои права и, вместе с тем, утрате коллективистской солидарности, которые в советское время в какой-то мере компенсировали неразвитость гражданского общества и личностного начала. Г. Г. Дилигенский (2000) раскрывает механизм зарождения агрессивного индивидуализма на этой почве. Автор, на наш взгляд, правомерно подвергает сомнению идею изначальной общинности, соборности и коллективности российского менталитета, во всяком случае, в его советском варианте. В условиях советской тоталитарной системы коллектив, по определению Г. Г. Дилигенского, – это «горизонтальная структура равных в их зависимости от власти и сплоченных этими властными отношениями» (там же, с. 412). Психологичес-

кая интеграция в таких условиях возможна, но она осуществляется не на основе солидарности, общности целей и ценностей, а на основе общей «крыши», гарантирующей социальную защищенность. То есть социалистический коллектив представлял собой эффективное средство контроля.

Выйдя из атмосферы господствовавшего в советской системе псевдоколлективизма, человек оказался один на один с государственной машиной, где господствовали лидеры, отличающиеся агрессивным индивидуализмом, «умеющие жить», сколачивающие огромные состояния помимо и вопреки интересам основной массы населения. Тяготы жизни и необходимость выжить толкали людей к индивидуалистическим стратегиям поведения, при которых «каждый за себя». Г.Г. Дилигенский называет эту стратегию адаптационным индивидуализмом слабого человека (там же, с. 412). Будучи принужденным рассчитывать исключительно на свои силы, человек не просто ощущает себя автономным по отношению к социуму и социальным институтам, но и воспринимает все социальное как враждебную ему среду. В интервью, проводимых автором, эта асоциальная позиция выступала как осознанная установка (там же, с. 414).

Подобные установки «подпитываются» ослаблением моральных норм и, соответственно, нравственного сознания. Нельзя не согласиться с мнением А.Г. Здравомыслова (Здравомыслов, 2005) о том, что общечеловеческая мораль, которая еще во времена горбачевской перестройки играла важную роль, в 1990-х годах начинает исчезать из массового сознания, заменяясь нравственным релятивизмом. Кроме того, исследования гражданской идентичности, являющейся одним из факторов гражданской ответственности, показывают, что этот род идентичности оказывается более слабо выраженным у российских респондентов, чем идентичность профессиональная, семейная, дружеская (Иванова, 2004). Эта закономерность действует не только в отношении социальной идентичности отдельных граждан, но и присутствует в действиях представителей бизнеса современной России, где, по мнению политологов, «налицо явный приоритет групповых и клановых интересов над интересами гражданскими, общенациональными» (Красин, 2003, с. 131).

Как было показано (Лебедева, 1999), идентичности «узкого круга» являются буфером, который может смягчить жесткие воздействия неблагоприятных внешних факторов, в частности, радикальных общественных изменений. Именно этими свойствами обладают семейная, профессиональная идентичности, идентификация с неформальными группами. Примечательно, что, по данным Е. Н. Даниловой и К. Козел, в России мы-идентичность как общность повседневного межличност-

ного общения (семья, друзья, товарищи по работе) оказывается приоритетной в сравнении с Польшей, где ведущими являются мы-идентичности «поляки» и «католики» (Ядов, 2000, с. 387). Преобладание такого типа идентичности напрямую связано с социальной разобщенностью и дезинтегрированностью общественного сознания в России.

Говоря о гражданской идентичности, необходимо вспомнить об универсальном механизме актуализации внешних воздействий через внутренние условия активности субъекта. Развивая идеи С. Л. Рубинштейна, А. В. Брушлинский указывал на активную роль внутренних условий в детерминации активности субъекта. В книге «Психология субъекта» он писал: «Итак, отчетливо выступает активная роль внутренних условий, опосредствующих все внешние воздействия и тем самым определяющих, какие из внешних причин участвуют в едином процессе детерминации жизни субъекта» (Брушлинский, 2003, с. 69–70).

Социальные представления о гражданской ответственности по содержанию пересекаются с представлениями о том, какова роль человека-гражданина в построении демократического строя в России. Исследование М. К. Блок, посвященное выявлению содержания и структуры социальных представлений о демократии (Блок, 2005), позволяет сделать выводы о том, что репрезентациям представителей пяти исследованных социальных групп свойственна амбивалентность оценок, когнитивная бедность и внутренняя противоречивость содержания, а также подмена политического смысла категории «демократия» экономическим на уровне ядра социального представления. В результате кросскультурного анализа социальных представлений о демократии, состоявшего в сравнении наших данных с данными, полученными И. Марковой с коллегами (Markova et al., 1998) в странах Центральной и Западной Европы, установлены существенные различия в содержании представлений о демократии. По сравнению с респондентами из Центральной и Западной Европы российские респонденты атрибутируют ответственность за проведение демократических преобразований властям, не признавая за гражданами какой-либо ответственности за состояние дел в обществе и не включая в представление о демократии категории, связанные со свободой и ответственностью личности.

Изучение именно социальных представлений различных групп населения о гражданской ответственности решает как концептуальную проблему подхода к данному явлению, так и открывает пути для ее эмпирического решения. Изучение закономерностей функционирования обыденного сознания граждан в период общественных трансформаций становится актуальным в силу преходящего харак-

тера сложившихся условий. Описание и объяснение выделенных феноменов с социально-психологических позиций позволит расширить рамки научного понимания происходящих процессов, обогатит науку новыми фактами, расширит ее концептуальный аппарат в плане дальнейшего развития, как теории социальных представлений, так и анализа феномена гражданской ответственности.

Важным является проведение теоретического анализа феномена гражданской ответственности, а также эмпирического изучения особенностей содержания и структуры социальных представлений о гражданской ответственности в различных группах российского общества. С помощью эмпирического исследования должны быть проанализированы связи между содержательными компонентами социального представления и такими феноменами, как гражданская идентичность, особенности политических установок, ценностные ориентации, потребность в аффилиации и др.

Мы исходим из того, что конструирование социальных представлений в условиях общественной трансформации осуществляется посредством ряда механизмов. Это, с одной стороны, механизмы эмоциональной регуляции, объединяемые категорией коллективного коупинга, которые позволяют справляться с фрустрирующими социальными ситуациями. С другой стороны, существуют когнитивные механизмы, обеспечивающие конструирование социальных представлений в условиях ментального диссонанса, порожденного общественными изменениями. К ним относится, в частности, ментальное расщепление категорий, представляющих какое-либо новое общественное явление в обыденном сознании групп (например, демократию, предпринимательство или богатство) на их идеальный и реальный образы. Все исследованные нами ранее социальные представления содержат нравственный компонент (нравственный модус репрезентаций), который связан с идеей социальной справедливости. Согласно нашему подходу, социальные представления выполняют, помимо универсальных функций адаптации к ситуации, познания, ориентации поведения, также специфическую в условиях социальной нестабильности, порожденной трансформацией общества, функцию стабилизации эмоционального состояния членов отдельных социальных групп. Предполагаемая система связей между содержательными компонентами социального представления о гражданской ответственности и такими феноменами, как гражданская идентичность, особенности политических установок, ценностные ориентации, потребность в аффилиации и др., даст возможность объяснить социально-психологические особенности обыденного сознания в области гражданской ответственности. Кроме того, это даст возможность

обнаружить комплексы взаимосвязанных феноменов, образовавшиеся в социально-психологическом пространстве групп в условиях современного этапа развития гражданского общества в России.

В современных условиях исследование конструирования социальных представлений о гражданской ответственности позволяет лучше понять механизмы функционирования обыденного сознания в этой важнейшей сфере общественной жизни. Это особенно актуально в нынешней политической ситуации, когда состояние гражданского общества в России пока не может оцениваться как удовлетворительное. Согласно данным, приведенным в докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, подготовленном Общественной палатой РФ, существует ряд серьезных пробелов в этой сфере. Так, указывается, что «с одной стороны, участие граждан в общественной жизни остается низким и пока не является нормой жизни, а с другой – даже добровольчество и личная благотворительность не рассматриваются россиянами как гражданская активность» (Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, 2008, с. 11). В качестве препятствий для проявления гражданской активности называются «безразличие к общим делам», «привычка надеяться на готовое», «отсутствие организации», «индивидуализм – каждый за себя», «недостаток времени, чрезмерная занятость», «недостаток знаний, некомпетентность», «неверие в возможность оказывать влияние на принимаемые решения» (там же, с. 10). Общий вывод выглядит противоречиво: «...налицо заинтересованность в общественной активности и личное позитивное отношение к общественно активным людям и одновременно уверенность, что условий проявить свою активность для граждан нет» (там же, с. 7). Более пессимистично звучит мнение Л. Гудкова (Левада-Центр), содержащее «выводы о слабости и зачаточности гражданского общества, о механизмах его подавления» (Комментарии, с. 1).

В связи с этими выводами возникают вопросы: какими факторами определяется подобное противоречие? Какие социально-психологические механизмы и закономерности лежат в его основе? Какие социально-психологические ресурсы могут быть привлечены для его разрешения? Здесь содержится проблема, имеющая как практический, так и научный смысл, обуславливающий ее актуальность. Изучение социальных представлений о гражданской ответственности может дать ответы на эти животрепещущие вопросы.

Литература

Блок М. К. Социальные представления о демократии: комплексное исследование: Автореф. дис....канд. психол. наук. Курск, 2005.

- Брушлинский А. В. Психология субъекта / Отв. ред. В. В. Знаков. М.: Изд-во ИП РАН; СПб.: Алетейя, 2003.
- Дилигенский Г. Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Моск. высш. шк. соц. и экон. наук, 2000. С. 410–418.
- Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации // 2008. <http://www.oprf.ru/final.pdf>.
- Емельянова Т. П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Здравомыслов А. Г. Ответственность экономической элиты: мнения россиян // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 45–58.
- Иванова Н. Л. Социальная идентичность в различных социокультурных условиях // Вопросы психологии. 2004. № 4. С. 65–75.
- Красин Ю. А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора // Полис. 2003. № 1. С. 124–133.
- Комментарии к Докладу о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. <http://www.demos-center.ru/comments/16517.html>.
- Лебедева Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 48–58.
- Ядов В. А. Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Куда идет Россия? ... Власть, общество, личность. М.: Аспект-пресс, 2000. С. 383–391.
- Markova I., Moodie E., Farr R., Drozda-Senkowska E., Eros F., Plichtova J., Gervais M., Hoffmannova J., Millerova O. Social representations of the individual: a post-communist perspective // European journal of social psychology. 1998. V. 28. № 5. P. 797–827.
- Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales / Ed. P. Moliner. Grenoble: PUG, 2001. P. 245–268.

СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДУШЕВНОБОЛЬНОМ В РАЗЛИЧНЫХ ГРУППАХ ОБЩЕСТВА

Т. П. Емельянова, А. В. Кузнецова (Москва)

Жизнь в современном обществе изобилует стрессогенными ситуациями, возрастающий ритм жизни, постоянное психоэмоциональное перенапряжение неблагоприятно сказывается на состоянии здоровья людей. Наряду с соматическими заболеваниями учащаются

и психические расстройства. Количество людей, страдающих пограничными психическими заболеваниями, ежегодно увеличивается, что связано с большим количеством страхов, нарастанием чувств беспомощности, несправедливости и прочими деструктивными чувствами, которые, по статистическим данным, преобладают у подавляющего большинства населения России (В. А. Аникин, М. К. Горшков). Таким образом, пополняется особая группа социального меньшинства, статус которой неоднозначен, и проблема их положения в обществе остается актуальной в течение столетий. Данное исследование посвящено изучению социальных представлений о душевнобольных. Респондентами выступили жители г. Москвы и г. Коврова в возрасте от 18 до 70 лет, имеющие различное семейное положение, уровень образования, профессию. В качестве методических приемов использовались методика анализа ассоциаций П. Вержеса, контент-анализ, экспертные оценки, методика «Рисунок человека», методы математической статистики с помощью программы SPSS (описательная статистика, критерии выявления различий Манна–Уитни и Крускала–Уоллиса, факторный анализ), фоносемантический анализ с помощью программы ВААЛ – мини.

Показательно, что при изучении структуры социального представления (СП) в ядре представлений о душевнобольных не было обнаружено понятий, связанных с агрессией или опасностью душевнобольного в большинстве групп респондентов. Можно предположить, что причина стигматизации кроется не в опасности душевнобольного, а именно в его «инакости», неоднократно описываемой специалистами.

Отметим различия в структуре СП между мужской и женской частями выборки. В ядре представлений женщин прежде всего присутствует понятие *жалость*, отражающее сочувствующее отношение к больному. В то же время ядро СП мужской части выборки содержит понятие *неуравновешенный*, что может быть истолковано как оценка его в качестве партнера по деятельности. Фоносемантический анализ при помощи программы ВААЛ показал, что полученные ассоциации на слово «душевнобольной» характеризуются преимущественно негативным эмоциональным фоном. Сконструированная на основе анализа результатов рисунков и интервью шкала содержала три группы утверждений, которые оценивались по степени согласия: в отношении определения душевнобольного, возможных причин психического заболевания, возможных способов поведения относительно душевнобольного. При помощи факторного анализа оценок респондентов были выделены следующие компоненты содержания СП о душевнобольном. В первый фактор, названный нами «*Опасный другой*», попали определения, в которых выражается неприятие,

непонимание, ожидание агрессии и неприятностей от душевнобольного, его «инакость» по отношению к респонденту. Во втором факторе, обозначенном как «Счастливый гений», значим вес суждений, отражающих позитивное СП о душевнобольном, как о творческом и счастливом человеке.

Анализ оценок респондентами утверждений, касающихся возможных вариантов поведения относительно душевнобольного, позволил выделить три основных фактора. Первый фактор, обозначенный как «Помощь и приятие» состоит из суждений, отражающих готовность респондентов участвовать в судьбе душевнобольного, всячески поддерживать его на пути к выздоровлению. Второй фактор, названный «Отвержение», отражает нежелание респондентов как-либо контактировать с психически больными, настроенное отношение к ним. Третий фактор, обозначенный нами как «Эмпатия на расстоянии», характеризует предрасположенность искренне сочувствовать и жалеть душевнобольных, предпочитая при этом, чтобы непосредственную помощь больным оказывали медицинские работники. Три полученных фактора значительно различаются по весу. Фактор «Помощь и приятие» на первом месте, далее утверждения по фактору «Эмпатия на расстоянии» и, наконец, утверждения по фактору «Отвержение». Интересно, что при достаточно негативном образе душевнобольного, большинство респондентов заявляют не об отвержении, а о готовности помогать и взаимодействовать с душевнобольным. В этом проявляется противоречивость структурных компонентов СП – когнитивного и установочного.

Подводя итог проделанной работе, можно сделать следующие выводы:

- 1 Социальные представления о душевнобольных характеризуются выраженным эмоциональным компонентом, в большей степени негативным.
- 2 Эмоциональные характеристики социального представления носят амбивалентный характер – позитивные эмоциональные оценки присутствуют наряду с негативными.
- 3 Когнитивный компонент социального представления противоречив по содержанию (наличие образов «Счастливого гения» и «Опасного другого»).
- 4 Установочный компонент социального представления о душевнобольных характеризуется внутренней противоречивостью: присутствуют как готовность проявлять внимание и заботу, так и полный отказ взаимодействовать с человеком, страдающим психическим заболеванием.

- 5 Результаты говорят о сложности объекта представлений, неоднозначности его позиции в структуре обыденного сознания, борьбе стремления к самосохранению с морально-нравственными предписаниями у членов общества.
- 6 Представления о душевнобольных у женщин отличается наличием сочувственных, эмоциональных категорий, мужчины же имеют тенденцию оценивать душевнобольного в понятиях, связанных с прогнозированием потенциального взаимодействия.

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОГО РИСУНКА В ИССЛЕДОВАНИИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ У ЧЕХОВ

Т. П. Емельянова, А. Тимофеева (Москва)

В настоящий момент наша страна проходит стадию активной интеграции в мировое пространство. Для успешного течения этого процесса, необходимо изучать процессы и механизмы, лежащие в основе кросскультурного восприятия представителей России и граждан Чехии. В нашем исследовании мы поставили своей задачей изучить социальные представления о русских в иной этнической группе и понять особенности их формирования в зависимости от влияния различных факторов, одним из которых является коллективная память. Коллективная память обладает такими свойствами, как «поддержание групповой идентичности средствами «позитивного отклонения» в реконструкции событий в пользу своей группы, включением механизма копинга в случае травмирующих группу воспоминаний, цикличность в актуализации «следов памяти»; преимущественное запечатление эпохальных, поворотных событий истории; более глубокое запечатление прошлого при попытках «стереть» их из памяти (Емельянова, 2002).

Для изучения коллективной памяти мы исследовали коллективные воспоминания чехов об историческом событии, носящем травмирующий характер и связанном с Россией (Пражская весна 1968 г.). Для проведения исследования мы использовали несколько методов, таких как незаконченные предложения, неструктурированное интервью и метод экспрессивного рисунка. Последний метод представляет особый интерес с точки зрения расширения методической базы для изучения феномена коллективной памяти в целом. Уникальность данного метода в том, что респондент не может контролировать процесс своего самовыражения так, как он бы контролировал свои вербальные реакции (Мельникова, 2007). Этот метод, таким образом, позволяет изучить аффективные и эмоциональные компоненты, лежащие в основе

изучаемого феномена. В процессе анализа рисунков мы использовали энциклопедию признаков и интерпретаций в проективном рисовании и арт-терапии Л. Д. Лебедевой. Ю. В. Никонорова и Н. А. Таракановой, а также другие источники, содержащие объяснения тех или иных графических признаков. Необходимо отметить, что для получения независимой интерпретации, мы прибегли к помощи семи экспертов, принадлежащих к разным национальностям и возрастным группам. Интерпретация рисунков включала в себя несколько этапов. Вначале экспертов просили оценить общий эмоциональный тон рисунка. Затем эксперты производили интерпретацию его формальных характеристик (цвет, преобладающий образ, занятое пространство, расположение рисунка на листе бумаги, линии, штриховка, детали рисунка) и эмоциональных характеристик (агрессивность – дружелюбие, эмоциональное – нейтральное отношение, положительные – отрицательные составляющие и др.). Мы произвели попытку привести все полученные оценки к общему основанию. В рисунках группы респондентов-чехов в возрасте 40–70 лет преобладают два образа. Основным элементом первого образа – русский танк, расположенный в центре листа. Преимущественно используемые цвета – серый, красный, и зеленый. Сочетание данных цветов указывает на стремление респондента спрятаться в защитную оболочку и отражает попытку компенсировать беспокойство при помощи своей отстраненности, а также скрыть импульсивную реакцию. Центральное расположение рисунка говорит о большой личной значимости предмета исследования для респондентов. Линии нарисованы с большим нажимом, что говорит о тревожном отношении респондентов к исследуемой проблеме. Штриховка в большинстве рисунков достаточно интенсивная, что также указывает на силу эмоций. Вторую преобладающую тематику в рисунках чехов от 40–70 лет можно описать как различные варианты желания чехов немедленно покинуть страну или спрятаться в момент появления русских солдат на территории Чешской Республики в 1968 г. По комментариям самих респондентов можно судить не столько о страхе, возникшем в момент вторжения, сколько о несогласии и конфронтации, выраженных в попытке убежать от навязанного советского режима. Используемые цвета и характер линий, преобладающие в данной категории рисунков, указывают на отсутствие агрессии и сильной эмоциональной напряженности. В группе от 20–40 лет люди наиболее часто рисуют целую панораму, на которой, как правило, разворачиваются активные военные действия между русскими на танках и безоружными чехами, атакованными советскими солдатами. Преимущественно используемые цвета – черный, коричневый и красный. Сочетание данных цветов говорит о бунте против происходящего и драматизации

реальности. Линии в большинстве своем слабые, что символизирует определенную степень тревожности. Нажим увеличивается только при изображении танков и самолетов, что указывает на враждебность по отношению к тому, что они символизируют. Сравнивая рисунки респондентов двух возрастных групп, мы заметили, что чехи, которые сами были свидетелями событий 1968 г., в основном фиксируют свои воспоминания на идеологическом противостоянии, в то время как коллективные воспоминания молодого поколения имеют в своей основе сильно преувеличенную кровавую расправу и насилие. По словам самих чехов, воспоминания о событиях 1968 г. для многих являются более травмирующими, нежели воспоминания о Второй мировой войне. Респонденты объясняют это тем, что немцы признали свою вину, извинились и в какой-то мере компенсировали свою вину различными способами, в то время как русские не признали своих ошибок и не принесли извинений. Также чехи подчеркивают, что русских они воспринимали как близких друзей, поэтому их вторжение и диктатура нового режима воспринимались как предательство. Следует заметить, что в Чехии тема Пражской весны с каждым годом поднимается все более часто. Все чаще устраиваются выставки, посвященные данной тематике и напоминающие людям о русском вторжении (например, выставка советских танков и фотографий на главной площади в Праге), тем самым снова и снова пробуждая агрессию у молодого поколения чехов. Это трансформирует коллективные воспоминания идеологического противостояния в кровавую расправу над беззащитным чешским народом. При подобной динамике вполне возможно, что следующее поколение чехов будет расти с идеей о Пражской весне, как о геноциде чешского народа. Коллективные воспоминания о Пражской весне имеют не только специфическую динамику, описанную выше. Они в своем роде являются стеной, препятствующей успешному политическому и культурному взаимодействию между русскими и чехами, и оказывают негативное влияние на конструирование социальных представлений о русских.

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Т. П. Емельянова, А. В. Шустова (Москва)

Новый этап социальных трансформаций, начавшийся в России в начале 90-х годов прошлого столетия, вызвал ряд оживленных дискуссий и научных исследований, в частности – в области изучения

гражданского общества. И это закономерно, так как формирование любой демократической системы необходимым образом предполагает создание одной из ее базовых составляющих – гражданского общества.

Проблема гражданского общества, безусловно, принадлежит к числу фундаментальных научных проблем, интересующих научное сообщество на протяжении многих столетий. На современном этапе развития науки по-прежнему не существует единого понимания понятия «гражданское общество», его истоков, путей формирования и функций. Высказывается даже мнение, что гражданское общество есть изменяющееся в своей сути понятие, которое по мере развития человеческого общества, приобретает новые сущностные количественные и качественные характеристики.

Несмотря на разнообразие трактовок понятия, гражданское общество можно определить как неполитические отношения в обществе, проявляющиеся через ассоциации и организации граждан, законодательно огражденные от прямого вмешательства государства. Понятие «гражданское общество» означает такое состояние социума, при котором создаются условия для соблюдения прав и свобод, для построения диалога между гражданами и властью, для развития гражданской самодетельности и политической активности, реального участия граждан в политике.

Гражданское общество вырастает из чувства социальной ответственности – стремления гражданина самостоятельно, либо в кооперации с другими гражданами брать на себя решение своих и общих проблем, не перекладывая их на государство. Социальный прогресс в России невозможен без ответственного гражданского общества, умеющего критиковать и контролировать власть, заставляющего работать ее в своих интересах.

Российские социологи и политологи констатируют, что гражданское общество в России не состоялось, если говорить о массовой привлеченности граждан к социальным и политическим процессам. Согласно данным, приведенным в Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации, подготовленном Общественной палатой РФ, существует ряд серьезных пробелов в этой сфере.

Очевидно, что успех социальных трансформаций в современной России напрямую зависит от адекватности представления об этих трансформациях в социуме: создание гражданского общества невозможно без понимания его сути самими гражданами. В настоящее время в России существует множество трактовок гражданского общества, и, по оценке различных авторов, в общественном сознании не существует целостного представления о нем (так же, как и о социальной ответственности).

В последние несколько лет тема гражданского общества приобретает особую значимость в силу обращения к ней президента РФ Д. А. Медведева. В ходе своей предвыборной кампании и в первом послании Федеральному Собранию РФ Д. А. Медведев сделал акцент на построении гражданского общества в России. С точки зрения Медведева, национальная идея в России должна основываться на трех основополагающих принципах: справедливом государстве, сильном гражданском обществе, благополучии людей. По словам Медведева, наше гражданское общество рождалось в противоречивых событиях последних двух десятилетий. Но то, что оно сегодня является элементом политической жизни – это неоспоримый факт.

Учитывая важность происходящего, нехватка ясного понимания сути гражданского общества оборачивается искаженным взглядом на реальность и невозможностью изменения социальных практик. В различных дискуссиях о гражданском обществе, разворачивающихся в СМИ, обнаруживаются разные и иногда даже диаметрально противоположные трактовки относительно его природы, структуры и путей создания. Данная тема неизбежно становится предметом анализа и обсуждения в различных социальных группах, которые конструируют свое понимание гражданского общества. Именно такие обыденные трактовки гражданского общества и представляют для нас особый исследовательский интерес. Исследование социальных представлений, а также особенностей их конструирования дает возможность изучить обыденное знание в данной области и определить пути информационной поддержки изменений.

Литература

Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации // 2008. <http://www.oprf.ru/final.pdf>.

Комментарии к Докладу о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. <http://www.demos-center.ru/comments/16517.html>.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БРАЧНОМ ПАРТНЕРЕ

Е. Д. Ефремова, П. Н. Степанова (Чебоксары)

Семья как устойчивая социальная общность людей существует уже в течение многих столетий. Она является необходимым элементом социальной структуры человеческого общества, выполняя чрезвычайно важную задачу воспроизводства населения. Семья – древнейший социальный институт; она изменяется по мере развития общества –

возникают новые нормы, ценности и образцы поведения в области семейно-брачных отношений (Здравомыслова, 1992). Как общественный институт, семья выполняет воспитательную, экономическую функции, функцию передачи социального статуса детям, поддержания благосостояния членов семьи.

Многие исследователи утверждают, что в настоящее время семья утратила эти функции в связи с переходом развитых стран в фазу постиндустриального общества, и существенной функцией семьи осталась социализация детей (Голод, 1998).

В то же время семья – малая группа, в которой с наибольшей естественностью удовлетворяются многие важнейшие личностные потребности человека. Здесь он приобретает необходимые социальные навыки, осваивает базовые стереотипы поведения и культурные нормы, реализует свои эмоциональные предпочтения, получает психологическую поддержку и защиту, спасается от стрессов и перегрузок, возникающих при контактах с внешним миром. В удовлетворении таких потребностей и заключается смысл психологических и социально-культурных функций семьи (Калмыкова, 1983).

Повышение значения именно этих двух групп функций вызывает кардинальные перемены в образе жизни семей, их потребностях, характере взаимодействия с внешним миром, типе внутрисемейных отношений, положении в семье отдельных ее членов, семейной морали и т. д., что в конечном счете приводит к фундаментальным сдвигам в системе взаимодействия цепочки «личность–семья–общество». Соответственно изменяются психологические и социально-культурные функции семьи (Дружинин, 1996).

Социологические исследования показывают, что традиционный институт семьи переживает сейчас некоторый кризис, связанный с изменением содержания брачно-семейных отношений. Кризис выражается в том, что, с одной стороны, идет поиск каких-то новых форм семьи, которые лучше соответствовали бы современному содержанию отношений; с другой стороны, непрерывно растет число разводов.

Брачно-семейные отношения отражают как положительные, так и отрицательные моменты состояния общества. Социальные условия усугубляют или смягчают историческое наследие семьи как социального института.

По мере развития общества меняются требования, предъявляемые к семье как социальному институту. В последние годы произошла трансформация как содержания, так и социальных функций семьи. Современная семья выполняет следующие функции: репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-экономическую, рекреативную (взаимопомощь, организация досуга и отдыха), коммуникативную

и регулятивную (включающую первичный социальный контроль и реализацию власти и авторитета в семье).

Для семьи в современном обществе характерна ориентация на личностные, эмоциональные, а не на экономические или статусные характеристики индивидов в ситуации брачного выбора (Обозов, Обозова, 1981).

Исследование по определению семейных ценностей, предпринятое в 2007 г. А. Р. Тиводар среди молодых супружеских пар, выявило показатели выраженности ценностей среди молодых мужей и молодых жен. Сравнение ранговых последовательностей показало, что первое по значимости место принадлежит эмоционально-психотерапевтической ценности. Создается впечатление, что, принимая решение о супружестве, молодые люди, прежде всего, ищут «психологическое убежище», возможность упрочить чувство личной идентичности, опираясь на брачного партнера, подтверждающего их личность в диадных отношениях и создающих тем самым большую уверенность в широком круге социальных отношений (Тиводар, 2007).

Установлено, что фундаментальной потребностью личности является ее стремление получать от других людей подтверждение тем преобразованиям, которые она осуществляет в своих бытийных пространствах.

В современных условиях пространство, в котором происходят основные процессы формирования личной идентичности, часто сужается до брачных партнеров, семьи, круга близких знакомых, сотрудников по работе, составляющих микросоциальное окружение, доступное для преобразовательной активности.

В условиях изменяющегося общества становится трудно найти устойчивые внешние ориентиры для позитивной группы, с которой можно было бы идентифицироваться. Семья, родственники, близкое контактное окружение могут быть выделены человеком в качестве групп, к которым он определен. Уделяя вновь внимание относительно автономному миру семьи, человек приобретает своего рода «психологическую защиту» от происходящих в социуме изменений (Тиводар, 2008).

Многие авторы рассматривают семью как относительно закрытую систему, имеющую слабую связь с окружающими институтами, организациями и группами. Семья выступает как культурная общность людей, которых связывает определенное единство жизненных ценностей, представлений, единство позиций во взаимоотношениях с обществом.

По мнению исследователей, ничто так не изменилось в мире, как представления женщин о том, каким должен быть брак, что свидетельствует о том, что ранее требования к индивидуальным особенностям

тям будущего супруга и супруги были минимальными: однородность социально-экономического положения, этнических и религиозных характеристик, при выборе учитывалась репутация семьи и самого избранника (избранницы).

В настоящее время выросли требования именно к личностным особенностям партнера. Проведенное Т. В. Андреевой в 1998–2001 гг. исследование предбрачных предпочтений студентов и студенток университета показало следующую картину.

Открытая форма опроса (формулировки предлагались самими респондентами) выявила, что в образе предпочитаемой партнерши по общению у студентов должны быть такие качества, как (в порядке убывания): внешние данные, положительные черты характера (доброта, верность, порядочность, воспитанность, трудолюбие и т. д.), ум, коммуникативные данные, чувство юмора, веселость, женственность, сексуальность, терпеливое отношение к самому отвечающему, общее развитие (духовное, кругозор, профессионализм), трудолюбие, уравновешенность, спокойствие, здоровье, материальная обеспеченность.

Образ будущей супруги включает в себя: нравственные качества (честность, порядочность, верность, доброта и т. д.), ум, внешность, культурное развитие, отношение к самому опрашиваемому (любящая, терпеливая, уступающая), свойства темперамента (уравновешенность и импульсивность), чувство юмора, щедрость, гостеприимство, коммуникативные качества, женственность.

Таким образом, выявилось некоторое рассогласование образов партнерши, с которой хотелось бы общаться, и будущей женой. Качества последней оказались для юношей менее определенными, что, вероятно, связано с общей неопределенностью их семейного будущего.

Анализ предбрачных представлений девушек-студенток показал большее, чем у юношей, рассогласование между качествами предпочитаемого партнера по общению и характеристиками будущего (желаемого) супруга. Так, если для привлекательности партнера важны его внешность или особенности телосложения (спортивная форма и т. д.), а также чувство юмора и ум, то среди качеств, предпочтительных для семейной жизни, важнее оказываются отношение к самой опрашиваемой (любящий, выполняющий желания и т. д.), зрелость, ответственность и ум. Внешность и чувство юмора теряют свои лидирующие позиции, а коммуникативные качества из средних рангов перемещаются на последние. Зато половина опрошенных девушек ждет от своего будущего избранника способности обеспечить семью, а одна четвертая часть – защиты.

Наблюдается также и другая опасная тенденция – чрезмерность требований к партнеру и супругу: это касается в основном девушек.

У части студенток выявлен практически полный перечень требований к молодым людям из всех теоретически возможных – он достигает 20 качеств. Здесь оказываются: ум, красота, чуткость, лидерские качества, обеспеченность, помощь по дому, честность, образованность, коммуникабельность, чувство юмора. Если при этом требования будут ригидны, вероятность построения успешных отношений снижается до минимума.

Вместе с тем выяснилось, что молодые люди, начинающие совместную жизнь, плохо знают характеры друг друга: оценки, присваиваемые спутнику жизни, весьма существенно расходятся с его/ее самооценкой (Андреева, 2007).

Происходящие в культуре изменения знаменуют возрастание внимания к единичному, приоритет личного, индивидуального, ценность каждого человека во всем его своеобразии. Все это, декларируемое современной культурой, не может не сказаться на взглядах человека на семью и ее ценности. Социальные, социокультурные процессы в обществе обуславливают возрастающие субъектность отдельного индивида в семье, личностную обусловленность, индивидуализированность принимаемых решений (Тиводар, 2008).

Таким образом, для молодых людей характерны потребительские брачно-семейные представления и деформация «Мы» – семьи в «Я+Ты» – семью.

Исследование, проведенное среди студенческой молодежи в период 2007–2009 гг., было предпринято в целях изучения влияния социально-экономических изменений в обществе на представления о будущем брачном партнере.

Респондентам была предложена открытая форма опроса, им предлагалось указать три основных качества, обязательных в будущем брачном партнере. Данные, полученные в ходе опроса, обрабатывались следующим образом: подсчитывалась частота встречаемости каждого качества вне зависимости от ранговой значимости у юношей и девушек.

Представления *юношей* о качествах предполагаемой брачной партнерши характеризуют следующие изменения.

Данные, полученные в 2007 г., свидетельствуют о приоритетности следующих качеств в образе предполагаемой супруги (в порядке убывания): внешние данные и хороший характер, любовь и ум, доброта и понимание, верность, порядочность и честность, другие качества.

Данные, полученные в 2009 г., свидетельствуют о некотором изменении в приоритетности качеств в образе предполагаемой супруги (в порядке убывания): верность, ум и доброта, честность и понимание, внимательность, аккуратность, трудолюбие и чувство юмора, другие качества.

Сравнение представленных выше данных позволяет отметить, что среди опрошенных юношей произошли изменения в образе предполагаемой супруги. Если ранее считались важными внешние данные и любовь предполагаемого партнера к опрашиваемому, то в настоящее время важными являются положительные черты характера. Возможно, ситуация связана не столько с переменами в обществе, сколько в самой личности. Полученные результаты аналогичны результатам исследования Т. В. Андреевой в отношении образа будущей супруги.

Изменения, отражающие представления девушек о качествах предполагаемого брачного партнера, характеризуются следующими закономерностями. Результаты, полученные в 2007 г., свидетельствуют о приоритетности следующих качеств в образе предполагаемого супруга: внешние данные, материальная обеспеченность, доброта, ум, любовь, мужественность, верность, ответственность, доверие, другие качества.

Данные, полученные в 2009 г., свидетельствуют об изменении предпочитаемых качеств в образе предполагаемого супруга (в порядке убывания): доброта, любовь, ум, понимание, ответственность, чувство юмора, уважение, забота, мужественность, надежность, трудолюбие, внимательность, уверенность в себе, материальная обеспеченность, целеустремленность, поддержка и другие качества.

Сравнение изложенных выше фактов позволяет отметить, что среди опрошенных девушек произошли выраженные изменения в образе предполагаемого супруга. Если ранее считались важными внешние данные и материальная обеспеченность предполагаемого партнера, то в настоящее время важными являются положительные черты характера, любовь и ум. Необходимо отметить возрастание значимости любви к опрашиваемой со стороны предполагаемого будущего супруга.

Полученные данные частично соответствуют данным исследования С. В. Ковалева, который подчеркивает, что в настоящее время представления о браке у молодежи имеют ряд негативных особенностей:

- в возрасте 13–15 лет происходит прогрессирующее разделение и противопоставление понятий любви и брака;
- у студенческой молодежи значимость любви при выборе спутника жизни оказалась на четвертом месте после качеств «уважение», «доверие», «взаимопонимание».

Происходит явное «оттеснение» любви в браке на фоне ее предшествующего всевластия. То есть юноши и девушки могут воспринимать семью как помеху своим чувствам и лишь впоследствии, мучительным

путем проб и ошибок, прийти к постижению нравственно-психологической ценности брака.

Итак, развитие брачно-семейных представлений юношей и девушек включает в себя формирование у них правильных воззрений о соотношении любви и брака, преодоление потребительских тенденций в отношении семьи и спутника жизни, воспитание реалистичности и цельности в восприятии себя и других (Андреева, 2007).

Литература

- Андреева Т. В. Психология семьи. СПб., 2007.
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
- Дружинин В. Н. Психология семьи. М., 1996.
- Здравомыслова О. М. Эволюция семьи и семейная политика в СССР. М., 1992.
- Калмыкова Е. С. Психологические проблемы первых лет супружеской жизни // Вопросы психологии. 1983. № 2.
- Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Три подхода к исследованию психологической совместимости // Вопросы психологии. 1981. № 6.
- Тиводар А. Р. Личностная идентичность супружеской пары в пространстве события // СОТИС. 2008. № 6.
- Тиводар А. Р. Личность в брачном партнерстве: поиск идентичности // Высшее образование сегодня. 2007. № 12.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ РАЗНЫХ ФОРМ КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА

А. Л. Журавлев (Москва)

Введение

Современные представления о психологии коллективного субъекта складывались постепенно и прежде всего на основе философско-психологических идей С. Л. Рубинштейна, представляющих собой целостную систему. В связи с поставленным здесь вопросом, элементами его системы целесообразно выделить несколько важных теоретических положений.

Во-первых, это понимание С. Л. Рубинштейном *социальной сущности человека* и выполняемой им деятельности, сформулированное в одной из его ранних работ, посвященной анализу философской системы Г. Когена (Рубинштейн, 1994). Делая акцент на этическом аспекте, он писал: «...этическое деяние человека предполагает другого человека... Потому что этическое деяние существует только в отношении к человеку как личности... Деяние есть лишь в отношении человека к человеку,

и в отношении человека к человеку есть только деяние... Я не существую без другого; я и другой сопринадежат...» (там же, с. 252). Таким образом, социальная сущность человека, в понимании С. Л. Рубинштейна, заключена в его *постоянной обращенности к другому человеку*, другим людям, через взаимодействие, «сопринадлежность», «деяния», с которыми человек существует и самоосуществляется. Такая обращенность является атрибутивным признаком человека.

Во-вторых, это теоретическое положение о *деятельностной природе психики, сознания человека*, сформулированное через единство сознания и деятельности: «Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них созидается и определяется. Поэтому тем, что он делает, можно определять то, что он есть: направлением его деятельности можно определять и формировать его самого» (Рубинштейн, 1986, с. 106). Несколько позднее, передавая фактически тот же смысл, С. Л. Рубинштейн использовал другие, более широко известные термины, сжато передающие, по мнению А. В. Брушлинского, содержание теоретических взглядов С. Л. Рубинштейна: «Главная идея этой теории состоит в том, что человек и его психика формируются, развиваются и проявляются в деятельности» (там же, с. 465). Второе положение хорошо объясняет природу, прежде всего, коллективного субъекта деятельности, имея, безусловно, отношение и к другим формам проявления коллективной субъектности.

В-третьих, характеризуя *деятельность субъекта*, С. Л. Рубинштейн выделяет некоторые ее особенности, главной из которых он называет *осуществление совместной деятельности субъектов* (там же, с. 106). Пожалуй, данное положение является наиболее принципиальным для современного понимания психологической природы коллективного субъекта, суть которой состоит в способности группы к совершению совместных действий, совместной деятельности и другим многообразным форм совместной активности.

Концентрированное изложение представленных выше теоретических оснований современной разработки проблемы коллективного субъекта, конечно, должно дополняться и конкретизироваться по мере необходимости обращением ко многим другим отдельным теоретическим положениям С. Л. Рубинштейна.

Основные теоретические схемы анализа коллективного субъекта

Коллективный субъект характеризуется *множественностью* своих проявлений (процессов, состояний, свойств), которые зафиксированы в целом ряде понятий, используемых в социальной психологии

и психологии в целом, например: коллективный субъект поведения, жизнедеятельности, деятельности, общения, отношения, рефлексии, познания, творчества, управления (и самоуправления) и т. д. Сходная картина обнаруживается и на индивидуально-личностном уровне, например, с множественностью феномена «Я» и т. п. Так и здесь, можно говорить о множественности проявлений феномена «Мы (совместности)». Однако именно здесь необходимо напомнить принципиальное теоретическое положение А. В. Брушлинского о том, что «субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те или иные его психические свойства, виды активности и т. д., а сам человек – деятельный, общающийся и др.» (Брушлинский, 1996, с. 15).

Но, с другой стороны, это положение не следует понимать так, что субъект полностью отождествляется с человеком, иначе и потребность в таком понятии исчезает. Скорее, «человек как субъект» понимается в качестве *носителя, обладателя субъектных свойств*, характеристик, которые в совокупности составляют этот феномен человека, однако, естественно, они не могут существовать вне человека, неразрывны с ним. Некоторая опасность заключается в том, что часть приведенного выше теоретического положения, а именно: «субъектом является не психика человека», можно изъять из контекста и истолковать в крайней форме так, что субъект – это вообще не психическое образование и является предметом исследования не психологической, а лишь философской науки. А именно с таким представлением о субъекте все еще приходится сталкиваться в среде психологов.

Можно дать аналогичную формулировку и по отношению к коллективному (групповому) субъекту, изучая его различные формы проявления, но, сколь многочисленными, сложными и интегральными они бы ни были, их невозможно называть коллективным (групповым) субъектом, которым может быть только *коллектив (группа)*, совместно действующий, общающийся, относящийся к различным социальным объектам, включая самого себя и т. д.

Феномены коллективного субъекта проявляются через различные формы совместной активности группы (или ее совместной жизнедеятельности), которые, к сожалению, не систематизированы в социальной психологии из-за сложностей, связанных с их множественностью и высокой степенью разнородности. Из наиболее известных *форм совместной активности* можно выделить следующие (они же, по-видимому, и являются основными феноменами):

- *совместная деятельность* во всем многообразии ее видов: трудовая, учебная, познавательная, игровая и т. д.;

- *внутригрупповое взаимодействие* в любых его формах, включая социально-перцептивные, интерактивные и т. д., направленные на формирование или реализацию межличностных и других (между личностью и группой или ее частью, между микрогруппами или группировками и т. п.) отношений, на установление коммуникаций, общение и т. п.
- *групповое поведение* (совместные действия, выражение групповых мнений, оценок, отношений к социальным и другим объектам и т. д.);
- *групповое самопознание* (саморефлексия) с целью, например: установления групповых норм, правил поведения, их самокоррекции, оценки способностей группы, потенциальных ее возможностей и т. п.;
- *межгрупповое взаимодействие* по самому широкому спектру вопросов, связанных с активностью своей и чужих групп, направленной как на установление взаимных связей, определение взаимных оценок, т. е. межгрупповых отношений, так и на реальное межгрупповое общение.

Несмотря на предложенное *группирование* форм совместной активности группы, их систематизация представляется нам относительно самостоятельной задачей, решение которой требует специальных теоретических исследований. Дело в том, что вся история социальной психологии есть история исследований, прежде всего, различных форм активности личности и группы или разных индивидов в группе, между группами и т. д., т. е. таких форм, которые характеризуются разным качеством совместности. В этом легко можно убедиться, если познакомиться с результатами историко-теоретического анализа исследований по проблемам личности в группе и совместной деятельности в отечественной социальной психологии, выполненного сотрудниками лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН (Совместная деятельность в условиях..., 1997, с. 7–34). Такого рода анализ, безусловно, должен быть продолжен не только по названному, но и по целому ряду других социально-психологических проблем.

Практически каждое из перечисленных выше проявлений коллективного субъекта представляет собой то или иное направление исследований в социальной психологии, которое в разной степени разработано. В последние два десятилетия преимущественно изучается «коллективный субъект деятельности», «субъект коллективной деятельности», «коллектив как субъект деятельности», «групповой субъект деятельности» или «субъект совместной деятельности» (Донцов, 1979; Журавлев, 2002; Индивидуальный и групповой субъект

екты, 1999; Ломов, 1984; Психология индивидуального..., 2002; Совместная деятельность в условиях..., 1997; Совместная деятельность: Методология..., 1988; Чернышев, 1981; Чернышев и др., 1990). При этом используется и ряд других понятий, близких к перечисленным.

Сложившиеся на сегодняшний день теоретические социально-психологические подходы к исследованию коллективного субъекта принципиально отличаются друг от друга тем, какой психологический феномен или психологическое образование принимается за «единицу», исходную «клеточку» анализа коллективного субъекта. Основные из них схематично можно представить следующим образом:

1. Индивидуальная деятельность рассматривается инвариантом совместной деятельности, поэтому из индивидуальной деятельности можно вывести все элементы деятельности совместной, а уже от нее перейти к анализу коллективного субъекта, выполняющего совместную деятельность. В данном случае *индивидуальная деятельность* и есть та «клеточка» («единица»), опираясь на которую, можно описать и совместную деятельность, и коллективный ее субъект.

Совершенно очевидным основанием использования данной схемы является то *общее* (а оно действительно существует), что имеется в *структурах, динамике* (процессах) и *содержании* индивидуальной и совместной деятельности. При этом последняя может рассматриваться как более усложненная форма, некоторая совокупность индивидуальных деятельностей включенных в нее лиц. Все это вместе объясняет и распространенность подобных представлений, и их устойчивость по отношению к критике.

Подробный критический анализ таких представлений о «психологии коллектива», «коллективной деятельности» и «коллективном сознании», выводимых из индивидуальной деятельности и сознания, выполнен А. И. Донцовым (1979).

2. Коллективный субъект (коллектив) представляет собой некоторую совокупность индивидов (личностей), находящихся в межличностных отношениях, опосредствованных деятельностью или отдельными ее элементами (например, целями и т. д.). То есть основной «единицей» анализа коллективного субъекта являются *деятельностно опосредствованные межличностные отношения*, описание которых фактически есть описание коллективного субъекта (коллектива).

Следовательно, центральным психологическим феноменом, в отличие от первой схемы анализа, фактически рассматривается «не деятельностный» феномен, хотя и деятельностно опосредствованный. Межличностные отношения в группе (коллективе), а именно: процессы их зарождения и становления, трансформации и развития, формирования и управления ими, их влияния на другие групповые

явления – все это совершенно правомерно может рассматриваться одной из важнейших форм совместной активности группы (коллектива), характерной для коллективного субъекта. Не рассмотренными являются вопросы о том, насколько полно данная схема анализа (исследования) позволяет вывести или привести к коллективному субъекту, в какой степени допускает описание многообразия феноменов коллективного субъекта, в том числе и вышеназванных форм совместной активности и т. д. Однако они сложны для краткого ответа и, безусловно, требуют специального и подробного исследования.

3. Основной «единицей» анализа совместной деятельности и ее коллективного субъекта является *взаимодействие участников совместной деятельности* (или членов коллектива, выполняющего совместную деятельность), однако не всякое взаимодействие, а именно, *предметно-направленное*, т. е. ориентированное на предмет совместной деятельности (Журавлев, 2005). Аналогичная схема анализа (от предметно-направленного взаимодействия к совместной деятельности и ее коллективному субъекту) может быть использована для изучения и других вышеперечисленных проявлений коллективного субъекта. Главное при этом – идти от анализа феномена взаимодействия составляющих элементов (членов) коллективного субъекта, направленного на познание, общение, управление, отношение к другим социальным объектам и т. п., или же анализировать его поведение, жизнедеятельность в целом. То или иное качество (свойство, состояние) проявления коллективного субъекта определяется взаимодействием составляющих элементов коллективного субъекта, которыми могут выступать как индивиды, так и общности разного количественного состава.

Формально-структурные характеристики коллективного субъекта

Если отталкиваться от последнего из вышеназванных и наиболее широко трактуемых подходов к пониманию «коллективного субъекта», то необходимо выделить принципиально различные формы его существования, описываемые формальными (не содержательными) характеристиками, начиная с *первой* – **количественного состава** той общности людей, которая обозначается коллективным субъектом. В результате такой систематизации коллективный субъект может быть представлен в следующих *основных формах*:

- *диада*: супруги, родитель–ребенок, учитель–ученик, преподаватель–студент, руководитель–исполнитель, врач–больной, консультант–клиент, командир–рядовой, друзья–подруги

и т. д. и т. п. (Бехтерев, 1994; Совместная деятельность: Методология..., 1988);

- *малая группа*: семья, учебная группа, первичный трудовой коллектив (бригада), кафедра, научная лаборатория, группа друзей, кружки различных хобби и т. д. (Гайдар, 2006; Коргова, 2000; Куценко, 1990; Осипова, 1992; Чернышев, 1981; Чернышев, Сурьянинова, 1990);
- *группа средних размеров*: малое и среднее предприятие, цех крупного предприятия, типичные НИИ и КБ, вузы, организованные собрания, митинги и т. п. (Гиркало, 1992; Дежникова, 1989; Иванов, 1980; Кирьянов, 1992; Трудовой коллектив как объект..., 1980);
- *большие социальные группы*: классы и социальные слои, этнические группы, войска, крупные политические партии, общественные движения, крупные толпы, сборища, шествия, территориальные группы и т. п. (Левин, 1992; Новожилов, 2002; Позняков, 2000; Сайко, 2006);
- *общество* в целом как организованная совокупность взаимопересекающихся и включенных друг в друга (в соответствии с принципом «матрешки») индивидов, малых, средних и больших социальных групп.

Вторым принципиально важным формальным признаком коллективного субъекта, наряду с количественным составом, являются **формы его организации**, т. е. структуры связей между составляющими субъект-элементами (компонентами, частями). Их многообразие в настоящее время не поддается какой-то систематизации и группированию, кроме как упрощенному делению коллективного субъекта на следующие формы в зависимости от особенностей *структуры связей*:

- с внешне и внутренне задаваемой организацией (внешнеорганизованные и самоорганизованные);
- жестко, умеренно и слабо регламентированные (организованные);
- иерархически и рядоположенно организованные;
- организованные на формальных (деловых, функциональных, официальных) и неформальных (неофициальных, личных) связях и зависимостях и др.

Третьей формально-структурной характеристикой коллективного субъекта является степень его **однородности (гомогенности) – разнородности (гетерогенности)** по различным признакам, характеризующим включенные в него элементы. Чаще всего имеются в виду индивиды, входящие в коллектив (группу). Степень однородности/

разнородности оценивается, например, по социально-демографическим признакам (половозрастному, образовательному, семейному статусу и т. п.), социальным (имущественному статусу, политическим ориентациям, этническому признаку и т. д.). Результатом анализа однородности/разнородности различных характеристик коллективного субъекта является его «композиция».

Формально-структурные характеристики, конечно, не ограничиваются выделенными тремя, однако именно они составляют группу основных, которых вполне достаточно для первоначального анализа коллективного субъекта.

Заключение

Различные проявления коллективного субъекта представляют собой психологические феномены разной степени обобщенности или частности. В этой связи наиболее обобщенным проявлением коллективного субъекта может быть групповое *поведение*, в котором интегрируются частные его формы: общение, отношение, управление, саморефлексия группы и т. п.

Другими обобщенными формами активности коллективного субъекта являются также *взаимодействие* и широко понимаемая *совместная жизнедеятельность*. Такие, например, социально-психологические свойства, как «активность–пассивность», «удовлетворенность–неудовлетворенность», «устойчивость–изменчивость» и некоторые другие имеют отношение к любым проявлениям коллективного субъекта и тем самым могут быть отнесены к группе наиболее *общих* его свойств.

Остается проблемным важный вопрос о *специфике* субъектных качеств групп разного размера (численности), например: малых и больших социальных, которые, безусловно, имеют как сходные, так и различные субъектные свойства. Более того, пока еще в достаточно острой форме сохраняется дискуссионность вопроса о возможности рассматривать большие социальные группы как субъекты (Митькин, 2002) однако, по нашему мнению, это имеет лишь временный характер. Такие социальные группы, как различные этносы, некоторые политические партии, российские предприниматели, пенсионеры, разные общественные движения в 90-е годы XX в.–начале XXI в. убедительно показали свою способность к совместным активным действиям, которые оказывали влияние на общественные явления, т. е. проявляли себя в качестве коллективных субъектов в современном российском обществе. Крупные задачи состоят в том, чтобы на эмпирическом уровне глубоко проанализировать возможности измерения субъектных свойств, а на теоретическом уровне – осмыслить эти явления именно в соответствии с субъектным подходом.

Сохраняются пока и многие методические сложности в изучении разных групп как коллективных субъектов: использование имеющегося инструментария для исследования групповой психологии возможно лишь в ограниченных рамках, а разработка новых методик, приемов, различных техник и т. п. всегда требует большого времени и учета конкретной специфики изучаемых явлений. Однако все это предстоит разрабатывать в ближайшей перспективе.

Для разрешения отмеченных и других сложностей большое значение имеют теоретические разработки К. А. Абульхановой, выполненные за последние годы (2005). *Во-первых*, психологической категории «субъект» ею обоснованно придан научный статус *методологического принципа*, который, как и другие известные принципы в психологии, служит «соотнесению теории, знаний и эмпирического исследования», является ориентиром «для выбора стратегии всего исследования, проверки и подтверждения гипотез», содействует «установлению самых различных соотношений предмета и объекта познания», выполняет «не только науковедческую, но и научно-практическую роль» (Абульханова, 2005, с. 19). *Во-вторых*, через теоретическую трактовку объекта психологического исследования, в качестве которого рассматривается субъект, а само исследование наделяется характером взаимодействия исследователя с объектом его познания, К. А. Абульханова соотносит и реально показывает *взаимное дополнение субъектного и психосоциального подходов в психологии*, которые в настоящее время развиваются фактически единым крупным направлением, особенно в рамках научных программ лабораторий психологии личности, социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Это позволяет не только развиваться каждому из данных подходов, но и укреплять методологические основания психологии в целом. *В-третьих*, одной из характерных особенностей современного состояния психологической науки, по мнению К. А. Абульхановой, является распространение нового методологического принципа субъекта и даже более того – *новой субъектной парадигмы* (там же). Такое распространение имеет непосредственное отношение к изучению рассмотренного здесь феномена коллективного субъекта.

Отмеченные тенденции, безусловно, имеют хорошие перспективы в исследовании жизнедеятельности самых разных групп как коллективных субъектов.

Литература

- Абульханова К. А. Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 3–21.
- Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994.

- Брушлинский А. В.* Избранные психологические труды. М.: Изд-во ИП РАН, 2006.
- Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996.
- Гайдар К. М.* Субъектный подход к психологии малых групп: история и современное состояние. Воронеж: ВГУ, 2006.
- Гиркало В. П.* Трудовой коллектив как субъект общественно-политической деятельности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1992.
- Дежникова Н. С.* Педагогический коллектив средней образовательной школы как субъект воспитания: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. М., 1989.
- Донцов А. И.* К проблеме целостности субъекта коллективной деятельности // Вопросы психологии. 1979. №3. С. 25–34.
- Журавлев А. Л.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51–81.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во ИП РАН, 2005.
- Иванов В. Н.* Трудовой коллектив – субъект социального управления. М.: Мысль, 1980.
- Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе: Тезисы докл. к Междунар. научно-практ. конф. / Отв. ред. М. И. Воловикова. М.: Изд-во ИП РАН, 1999.
- Кирьянов В. И.* Трудовой коллектив как субъект самоуправления: Опыт социологического анализа: Автореф. дис. ... докт. социол. наук. СПб., 1992.
- Коргова М. А.* Формирование команд – субъектов управленческой деятельности. М.-Пятигорск: РАГС, 2000.
- Куценко О. Д.* Производственный коллектив как субъект формирования политической культуры личности: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Харьков, 1990.
- Левин В. М.* Становление клубной аудитории как коллективного субъекта социально-культурной деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Митькин А. А.* Групповой субъект: реальность или метафора? // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 2002. С. 53–70.
- Новожилов А. М.* Социальные группы как объекты и субъекты политики // Учеб. пособие. М.: МИИТ, 2002.
- Осипова Н. Ф.* Первичный студенческий коллектив как субъект формирования личности специалиста: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Харьков, 1992.
- Позняков В. П.* Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях разных форм собственности // Психологический журнал. Т. 21. 2000. №6. С. 38–50.

- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Рубинштейн С. Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник 92. М., 1994.
- Рубинштейн С. Л. Принцип творческой самодеятельности // Вопросы психологии. 1986. №4.
- Сайко Э. В. Субъект: созидатель и носитель социального. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2006.
- Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Трудовой коллектив как объект и субъект управления / Отв. ред. А. С. Пашков. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980.
- Чернышев А. С. Социально-психологические свойства коллектива как субъекта деятельности // Вопросы психологии коллектива школьников и студентов. Курск, 1981. С. 3–16.
- Чернышев А. С., Сурьянинова Т. И. Генезис группового субъекта деятельности // Психологический журнал. 1990. Т. 11. №2. С. 7–15.

ВОЗРАСТ ВСТУПЛЕНИЯ ПАРТНЕРОВ В БРАК КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ СТАБИЛИЗАЦИИ И ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ

В. П. Левкович (Москва)

Семейная проблематика занимает все более значительное место и в отечественной, и в зарубежной психологии. Неуклонное повышение интереса к семье как социальному институту и как к малой группе, объясняется, прежде всего, тем, что многие социальные и личностные проблемы, такие, например, как увеличение числа разводов, сокращение прироста населения, девиантное поведение части молодежи, рост алкоголизма, наркомании и других негативных явлений, прямо или косвенно связаны с семьей.

Важнейшая проблема, которая стоит в настоящее время перед психологами – это выяснение причин дестабилизации семьи в современном обществе. Поскольку в России по данным статистики распадается каждый второй заключенный брак, изучение социально-психологических факторов, дестабилизирующих молодые семьи, и разработка эффективных методов их устранения является исклю-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант №09-06-00 908.

чительно важной задачей. Большую роль в стабилизации и дестабилизации молодых семей играют не только факторы, формирующиеся в процессе семейной жизни брачных партнеров, но и возникающие в добрачный период взаимодействия жениха и невесты, так называемые «добрачные факторы», которые могут создать риск дестабилизации и распада молодых семей. К числу таких факторов зарубежные и отечественные психологи относят: конфликты и развод супругов в родительской семье, добрачную беременность, непродолжительный срок добрачного знакомства партнеров, ранний возраст вступления юношей и девушек в брак. Однако именно добрачный период жизни молодежи является наименее изученным как теоретически, так и эмпирически. Чешский психолог Карел Витек на основе проведенных исследований пришел к выводу о том, что возраст вступления в брак является одним из существенных факторов стабилизации или дестабилизации молодых семей. Он утверждал, что браки, заключенные до двадцати лет, часто дестабилизируются, а оптимальный возраст вступления молодых людей в брак после двадцати лет (Витек, 1988). Аналогичной точки зрения придерживались американские психологи Б. Торнд и Д. Коллард (Thorned, Collard, 1979).

Цель данного исследования – изучение роли возраста вступления юношей и девушек в брак в стабилизации и дестабилизации их семей.

Объект исследования: супружеские пары в возрасте от 16 до 30 лет со стажем брака от 3-х месяцев до 4-х лет. Обследовалась случайная выборка, 40 супружеских пар, состоящих в первом браке. Данная выборка была разделена на 4 группы по возрастным характеристикам вступления партнеров в брак. Так, группа № 1 включала супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 16 до 18 лет (10 пар). Группу № 2 составляли супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 18 до 20 лет (10 пар). Группу № 3 – супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 20 до 25 лет (10 пар). Группу № 4 составляли супружеские пары, вступившие в брак в возрасте от 25 до 30 лет (10 пар).

Были сформулированы следующие *гипотезы*:

- 1 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 16 до 18 лет, имеет место несогласованность у партнеров семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний, что влечет за собой высокий уровень их неудовлетворенности браком. Семьи относятся к категории проблемных или нестабильных.
- 2 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 18 до 20 лет, имеет место несогласованность семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний супругов, что влечет за собой высокий уровень конфликтности партнеров и низкий уровень их удовле-

творенности браком. Семьи относятся к категории проблемных или нестабильных.

- 3 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 20 до 25 лет, имеет место высокий уровень согласованности у супругов семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний, что влечет за собой более низкий уровень конфликтности супругов и более высокий уровень их удовлетворенности браком, чем в группах № 1 и № 2. Семьи, вошедшие в группу № 2, будут относиться к категории стабильных или проблемных семей.
- 4 В семьях, где супруги вступили в брак в возрасте от 25 до 30 лет, имеет место высокий уровень согласованности семейных ценностей и ролевых ожиданий и притязаний супругов, что влечет за собой низкий уровень конфликтности и высокий уровень удовлетворенности партнеров браком. Семьи относятся к категории стабильных.

В исследовании применялись следующие методики:

- 1 «Ролевые ожидания и притязания» (А. Н. Волковой), которая позволяет определить: а) представления супругов о значимости в совместной жизни таких семейных ценностей, как сексуальные отношения, личностная идентификация с супругом, хозяйственно-бытовая сфера, родительские обязанности, социальная активность, эмоционально-психотерапевтическая, внешняя привлекательность; б) степень ролевой адекватности супружеской пары (РА) в сферах межличностного взаимодействия.
- 2 Авторская методика диагностики супружеских конфликтов в однонациональных семьях (разработана В. П. Левкович), позволяющая измерить уровень конфликтности каждого супруга и семьи в целом в десяти сферах взаимодействия партнеров. Данная методика позволяет провести категоризацию супружеской пары, отнеся семью к одному из трех типов: 1) стабильные – пары с низким уровнем конфликтности и позитивной семейной мотивацией, конструктивно решающие возникающие в семье проблемы; 2) проблемные – пары со средним уровнем конфликтности, которые при наличии позитивной семейной мотивации не могут в большинстве случаев конструктивно решать конфликты; 3) нестабильные – пары с высоким уровнем конфликтности, деструктивно решающие конфликты при наличии негативной семейной мотивации, готовые принять решение о расторжении брака или уже принявшие такое решение.
- 3 Тест на удовлетворенность браком (разработан Л. Я. Гозманом, Ю. Е. Алешиной, Е. М. Дубовской) представляет собой опросник

из 16 пунктов. Удовлетворенность браком соотносится с согласованностью супругов в решении важных для них вопросов совместной жизни.

- 4 Опросник «Стратегии поведения супругов в конфликтных ситуациях» (разработан В.П. Левкович). Опросник состоит из 12 вариантов стратегий поведения супругов в конфликтных ситуациях, которые делятся на конструктивные и деструктивные.

Результаты эмпирического исследования

Полученные в исследовании эмпирические данные позволяют сделать вывод о частичном подтверждении первой гипотезы. В группе № 1 рассогласованность семейных ценностей у супругов имела место только у трех семей (№№ 3, 5, 9), где допустимая разность баллов по шкале семейных ценностей мужа и жены превышала 3 балла (норму). В остальных семьях данной группы общий показатель согласованности семейных ценностей супругов был не выше допустимой нормы. Наибольшая рассогласованность семейных ценностей супругов имела место в интимно-сексуальной сфере. У супругов данной группы семей имеет место расхождение ролевых ожиданий и ролевых притязаний супругов. Ролевые ожидания одного супруга не соответствовали ролевым притязаниям партнера. Общая ролевая адекватность мужей (Рам) = 9,7 балла, ролевая адекватность жен (Раж) = 16,3 балла. В семьях данной группы имеет место и высокий уровень конфликтности по группе (Ук = 47,8 балла). Пять из них относятся к категории нестабильных (№ 1: Ук = 66,8 балла; № 3: Ук = 57,6 балла; № 9: Ук = 59 баллов; № 10: Ук = 65,4 балла; № 8: Ук = 57 баллов). В указанных семьях имела место предразводная ситуация. Однако две семьи этой группы (№ 1: Ук = 40,4 балла; № 5: Ук = 50,2 балла) относятся к категории проблемных семей, которые сохраняют позитивную семейную мотивацию при высоком уровне конфликтности в семье. Только три семьи в группе № 1 (№ 2: Ук = 25,8 балла; № 6: Ук = 20,4 балла и № 4: Ук = 36,2 балла) можно отнести к категории стабильных семей.

У супругов из семей этой группы имеет место низкий уровень удовлетворенности партнеров браком (средний уровень удовлетворенности браком по группе = -1балл). В нестабильных семьях группы № 1 супруги использовали в основном деструктивные стратегии в урегулировании супружеских конфликтов: бойкотирование партнера, обман, принуждение, давление на партнера с целью решить спор в свою пользу, обвинение супруга, грубость во взаимоотношениях с ним (угрозы, оскорбления, применение силы). В результате конфликты между супругами носили деструктивный характер, так

как не формировали у них единой точки зрения на спорную проблему и не приводили к ее разрешению. В проблемных семьях группы № 1 супруги использовали в решении спорных проблем, наряду с деструктивными, и конструктивные стратегии: принятие одним из партнеров вины на себя, согласие с позицией партнера.

Тем не менее, в двух стабильных семьях (№ 2 и № 6) данной группы супруги использовали исключительно конструктивные способы решения семейных конфликтов: деловое обсуждение возникающих проблем, признание правоты партнера в споре, взаимные обещания не повторять ошибок, принятие одним из супругов вины на себя и др.

В исследовании частично подтвердилась вторая гипотеза. В группе № 2 во всех семьях имела место согласованность у супругов представлений о семейных ценностях. Общий показатель согласованности семейных ценностей супругов не превышал допустимой нормы (3 баллов). У супругов группы № 2, так же как и у супругов группы № 1, имеет место рассогласованность ролевых ожиданий и ролевых притязаний партнеров. Общая ролевая адекватность мужа $R_{ам} = 9,7$ балла, ролевая адекватность жены $R_{аж} = 13,6$ балла.

Полученные в исследовании эмпирические данные подтверждают выдвинутое во второй гипотезе положение о том, что у супругов группы № 2 имеет место высокий уровень конфликтности при решении спорных проблем. Пять семей данной группы были отнесены к категории нестабильных (семьи № 1: $Ук = 53,4$ балла; № 4: $Ук = 52,4$ балла; № 5: $Ук = 60,4$ балла; № 10: $Ук = 61$ балл, № 9: $Ук = 51$ балл). В указанных семьях имела место предразводная ситуация. При этом супруги использовали исключительно деструктивные способы решения проблем в конфликтных ситуациях с преобладанием таких методов в отношениях с партнерами, как жестокость, грубость, принуждение, отстаивание своей правоты в споре, стремление унижить партнера. Конструктивные стратегии в решении спорных проблем использовались крайне редко и наблюдались в основном у женщин.

Три семьи группы № 2 были отнесены к категории проблемных семей (№ 2: $Ук = 39$ баллов; № 6: $Ук = 33$ балла; № 8: $Ук = 37,6$ балла). В проблемных семьях группы № 2 супруги использовали как деструктивные, так и конструктивные способы решения спорных проблем, причем конструктивные способы часто преобладали над деструктивными, что свидетельствует о стремлении супругов сохранить семью.

К стабильным семьям в группе № 2 были отнесены две семьи: № 7: $Ук = 18,8$ балла и № 3: $Ук = 28,4$ балла. В указанных семьях супруги использовали исключительно конструктивные способы решения конфликтов, в них не было зафиксировано ни одного случая грубости, жестокости, применения силы во взаимоотношениях супругов в про-

цессе решения спорных проблем, что способствовало конструктивно-му решению противоречий между ними на основе взаимопонимания и сотрудничества.

Поскольку в группе № 2 большинство семей вошли в категории проблемных и нестабильных, и только две – в категорию стабильных, средний по группе уровень удовлетворенности супругов браком оказался низким и составил 3 балла (при максимуме +24 и минимуме –24 балла).

Проверка статистической значимости различий уровня конфликтности между группами № 1 и № 2, проведенная с помощью *U*-критерия Манна–Уитни, не выявила статистически значимых различий в уровне конфликтности между этими группами ($U_{Эмр} = 41,5000$ при $p = 0,45629$).

Полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод о подтверждении третьей гипотезы. В семьях группы № 3 имеет место высокий уровень согласованности семейных ценностей супругов. Общий показатель согласованности семейных ценностей мужа и жены по группе не превышает допустимой нормы (3 балла). В группе № 3, в отличие от групп № 1 и № 2, наблюдался высокий уровень согласованности ролевых ожиданий и ролевых притязаний супругов. Общая ролевая адекватность по группе у мужа ($R_{ам}$) = 8,3 балла, у жены ($R_{аж}$) = 10,8 балла.

В семьях группы № 3 имеет место низкий уровень конфликтности супругов ($Ук = 28,1$ балла по группе). Семь семей, вошедших в данную группу, относятся к категории стабильных (№ 1: $Ук = 16,2$ балла; № 2: $Ук = 34,2$ балла; № 3: $Ук = 11,8$ балла; № 4: $Ук = 23,4$ балла; № 5: $Ук = 214$ баллов; № 6: $Ук = 15,6$ балла; № 8: $Ук = 19,2$ балла). Три семье вошли в категорию проблемных (№ 7: $Ук = 35,4$ балла; № 9: $Ук = 49,4$ балла; № 10: $Ук = 54,4$ балла). Нестабильных семей в группе № 3 не было зафиксировано. У супругов же данной группы семей имеет место более высокий уровень удовлетворенности супругов браком, чем в группах семей № 1 и № 2. Средний уровень удовлетворенности браком у супругов группы № 3 = 9 баллов (при максимуме +24 балла и минимуме –24 балла). При этом в стабильных семьях группы № 3 оба супруга используют только конструктивные стратегии в урегулировании супружеских конфликтов: деловое обсуждение возникших проблем, принятие одним из супругов точки зрения другого, признание правоты партнера в споре. В то время как в проблемных семьях данной группы в решении спорных проблем супруги использовали как конструктивные, так и деструктивные способы решения конфликтов, причем деструктивные стратегии часто преобладали над конструктивными у обоих партнеров. Также была подтверждена

статистическая значимость различий показателей уровня конфликтности в группах № 1 и № 3: ($U_{Эмр} = 15,000$ при $p = 0,00815$).

В исследовании подтвердилась четвертая гипотеза. В семьях группы № 4 имеет место высокий уровень согласованности семейных ценностей супругов. Общий показатель согласованности семейных ценностей мужа и жены по группе № 4 не превышал допустимой нормы (3 балла). В семьях четвертой группы наблюдается высокий уровень ролевой адекватности супругов. Общая ролевая адекватность мужа ($R_{ам} = 6,8$ балла), ролевая адекватность жены ($R_{аж} = 9$ баллов). Полученные в исследовании данные подтвердили низкий уровень конфликтности супругов в семьях группы № 4 $U_{к} = 19,8$ баллов. Девять семей данной группы относятся к категории стабильных (№ 1: $U_{к} = 17,2$; № 2: $U_{к} = 15,6$ баллов; № 3: $U_{к} = 14,2$ балла; № 4: $U_{к} = 17,8$ баллов; № 5: $U_{к} = 27$ баллов; № 6: $U_{к} = 18$ баллов; № 7: $U_{к} = 22,6$ балла; № 8: $U_{к} = 16,2$ балла; № 10: $U_{к} = 12,4$ балла). В этих семьях группы супруги используют только конструктивные стратегии в решении спорных проблем: деловое обсуждение возникших проблем, подчеркивание правоты партнера, принятие одним из партнеров вины на себя и др. В проблемной же семье (№ 9) оба супруга используют деструктивные стратегии в решении спорных проблем: отставание обоими партнерами своей правоты, бойкотирование партнера и др. В целом в группе № 4 имеет место высокий уровень удовлетворенности супругов браком. Причем средний уровень удовлетворенности браком по группе значительно выше, чем в группе № 3 и составляет 16 баллов.

Была подтверждена статистическая значимость различий показателей уровня конфликтности супругов в группах № 1 и № 4, а также в группах № 2 и № 4: в группах № 1 и № 4 ($U_{Эмр} = 6,00000$ при $p = 0,00088$); в группах № 2 и № 4 ($U_{Эмр} = 6,00000$ при $p = 0,00067$).

Вместо заключения

Исследование показало, что возраст вступления юношей и девушек в брак является одним из существенных факторов, определяющих стабильность или нестабильность семьи. Полученные в исследовании данные позволяют сделать вывод, что ранний возраст вступления молодых людей в брак (до 20 лет) является серьезным «фактором риска» для стабильности их семей. Кроме того, было выявлено, что в группах семей, где возраст вступления партнеров в брак от 16 до 20 лет, было значительно больше нестабильных и проблемных семей и меньше стабильных, чем в группах, где браки между партнерами были заключены в возрасте от 20 до 30 лет. Супруги первой (возраст вступления в брак 16–18 лет) и второй (18–20 лет) возрастных групп более

конфликтны и меньше удовлетворены браком, чем супруги третьей (20–25 лет) и четвертой групп (25–30 лет) (см. таблицу 1).

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО СТАБИЛЬНЫХ, ПРОБЛЕМНЫХ И НЕСТАБИЛЬНЫХ СЕМЕЙ,
УРОВЕНЬ КОНФЛИКТНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БРАКОМ
В ЧЕТЫРЕХ ГРУППАХ РЕСПОНДЕНТОВ

Категория семей	Группа № 1 Возраст 16–20 лет	Группа № 2 Возраст 18–20 лет	Группа № 3 Возраст 20–25 лет	Группа № 4 Возраст 25–30 лет
Нестабильные	5	5	–	–
Проблемные	2	3	3	1
Стабильные	3	2	7	9
Уровень конфликтности (Ук)	47,8	43,5	28,1	19,8
Удовлетворенность браком (Уб)	–1	3	9	16

Приведенные данные свидетельствуют о том, что браки, заключенные в возрасте до 20 лет, значительно чаще дестабилизируются и распадаются, чем браки, заключенные в возрасте 20–30 лет. Молодые люди, вступившие в брак в возрасте 16–20 лет, не обладают достаточным жизненным опытом для правильного выбора брачного партнера. Выбирая спутника жизни, они чаще обращают внимание не на его личностные, в том числе и нравственные характеристики, а на внешнюю привлекательность (красивую внешность, умение ярко и модно одеваться, наличие высокого статуса в компании друзей и т. д.). Часто юноши и девушки, вступающие в брак в возрасте 16–20 лет, не обращают внимания на отсутствие у партнеров сходства во взглядах, как на общечеловеческие, так и внутрисемейные проблемы. Нередко в юношеском возрасте формируются романтические представления о браке, когда партнеры ожидают друг от друга полной гармонии. При столкновении с реальной брачной ситуацией нереализованные ожидания могут провоцировать возникновение конфликтов между супругами.

В возрасте 18–20 лет молодые люди часто бывают не готовы как к самостоятельной, так и к совместной жизни в браке, что выражается в неспособности материально обеспечить семью, принимать самостоятельные решения, в зависимости от родителей. В этом возрасте у молодых супругов наблюдается психологическая незрелость, которая проявляется в эгоизме, в неумении уступить друг другу, считаться с потребностями и интересами партнера. В результате у супругов не формируется установка на сотрудничество, что затрудняет их взаимную адаптацию.

Исследование показало, что наиболее стабильными являются браки, заключенные в возрасте от 25–30 лет, что объясняется большим жизненным опытом супругов, их социальной и психологической зрелостью в этом возрасте.

Литература

- Алёшина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. Спецпрактикум по социальной психологии. М., 1987.
- Витек К. Проблемы супружеского благополучия. М., 1988.
- Левкович В. П., Зуськова О. Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. 1985. №3.
- Левкович В. П. Социально-психологическая диагностика супружеских отношений. М., 2002.
- Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии // Под ред. А. А. Крылова и С. А. Маничева. СПб., 2002.
- Thorned B., Collard J. Who divorces? L., 1979.

ПРОБЛЕМЫ СЕМЬИ И КАРЬЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Н. Б. Лисовская (Санкт-Петербург)

В последнее время произошли значительные изменения в картине занятости населения, одно из них – увеличение как абсолютного числа, так и доли работающих женщин. Статистика свидетельствует, что увеличение числа работающих женщин приходится на начало 60-х годов прошлого века. Женщины продолжают завоевывать для себя новые позиции, по мере того как все большее число их вливается в ряды трудящихся. И если раньше женщины занимали позиции преимущественно рабочих и служащих, то сегодня все больше женщин пополняют ряды сотрудников высшего управленческого звена.

Статистические данные показывают, что карьерный рост специалиста может произойти за 5–6 лет, что указывает в первую очередь на заинтересованность в этом самого работника и не связано с половыми различиями. Однако большинство людей связывают личный успех не только с профессиональными достижениями, но и с семьей.

В проведенном исследовании В. В. Бодровой, где респондентам – мужчинам и женщинам предлагалось расположить по степени значимости для них слагаемые счастья, из 28 «слагаемых счастья» первые три места для женщин заняли «дети», «семья», «устроенный быт, жильё». Дальше следовали «любовь», «муж», «любимый человек»,

«уверенность в себе», «любимая работа». «Высокая зарплата» оказалась на тринадцатом месте, а «карьера» – на последнем, двадцать восьмом. Эта иерархия показывает не только то, насколько в реальности различен ценностный вес «женского» и профессионального успеха для респонденток, но и то, насколько большее значение имеет для женщин семейный статус. Но на деле эта тенденция наблюдается не у всех женщин (Бодрова, 1998, с. 35–38).

Женщины, как и мужчины, участвуют в трудовой деятельности по многим причинам. Основной причиной может быть элементарная экономическая необходимость. Но подобно мужчинам, многие женщины находят в профессиональной деятельности удовлетворение и реализуют себя. В ходе опросов женщины называют многие из тех факторов, которые делают работу значимой и для мужчин: они считают работу интересным и творческим делом, они видят в ней возможность проявить себя и раскрыть свои способности, она приносит им материальную обеспеченность и уверенность в завтрашнем дне, дает им шанс сделать карьеру, добиться успеха в профессиональной сфере.

Однако, несмотря на все эти сходства, между работающими женщинами и мужчинами имеется и ряд отличий, как и между мужчиной и женщиной в принципе. Согласно данным нескольких исследований, женщины чаще сообщали о возможности работать с людьми – клиентами, сослуживцами или даже начальниками – как об особо важном аспекте своей работы. Для части женщин межличностные отношения потому особенно значимы, что помогают в определении своей профессиональной Я-концепции. Кроме того, социальная поддержка на работе связана с меньшим процентом депрессий и физических недомоганий у женщин. Факт важности для женщин социальных контактов подтвердился и в исследовании А. В. Визгиной и С. Р. Пантелеева, которое было направлено на выявление личностных особенностей мужчин и женщин в самоописаниях. А для мужчин важно «ощущение субъектности собственной роли в достижении успеха» (Визгина, Пантелеев, 2001, с. 91–100).

Исследования показывают, что профессиональный цикл женщины строится иначе, чем профессиональный цикл мужчины. У мужчин наиболее интенсивный профессиональный рост наблюдается в первые 5 лет после вступления в брак (у рабочих) или во вторые 5 лет (у служащих). У женщин более высокие темпы профессионального роста приходятся на второе десятилетие после вступления в брак (Женщина в меняющемся мире, 1992, с. 74–84).

Но в протекании карьерного цикла и у женщин, и у мужчин можно предположить, что существует некоторая закономерность, которая заключается в прохождении ими некоторых последовательных

стадий. К первой стадии относятся завершение профессиональной подготовки, вхождение в профессию, минимальный практический опыт, минимальная социализация в организации; ко второй – период включения менеджера в структуру интерперсональных отношений в организации. Поведенческие проявления этой карьерной линии обеспечиваются сочетанием коммуникативных и мотивационных качеств менеджера. Третья стадия карьеры – становление менеджера как специалиста в некоторой предметной области – характеризует способность и степень его участия в решении конкретных профессиональных проблем. Развитие менеджера на этой стадии карьеры определяется в основном уровнем его интеллектуальных качеств (Карпов, 1999, с. 235–243).

Различия мужчин и женщин изучались и в руководстве. Так в исследовании А. Е. Чириковой было выявлено, что есть много общего и различного в личностных характеристиках успешных в профессиональной деятельности мужчин и женщин-бизнесменов (Чирикова, 1997, с. 57). Общее – выраженная ценность «видеть конкретные и осязаемые результаты своего труда», а также «избегание давления и достижение независимости», «повышение престижа». Ни у карьерно-успешных мужчин, ни у карьерно-успешных женщин не обнаружилось «страха успеха». Отличительные черты: женщины преимущественно сохраняют позиции «умеренного консерватизма», ориентированы на устойчивые деловые стратегии, ведут свой бизнес более ответственно и осторожно; для мужчины бизнес – большая игра. Для женщин профессиональная карьера – это возможность самореализации, для мужчин – возможность самоутвердиться и приобрести свободу (Кричевский, 1998, с. 91). О том, что женщины-руководители более осторожны, указывают исследования Маргарет Хеннинг и Анн Жарден. Они утверждают, что женщины иначе относятся к риску, чем мужчины. Для женщин риск – это потеря, опасность, боль, отрицательный момент, для мужчин риск означает потерю или прибыль, победу или поражение, опасность или шанс (Хеннинг, Жарден, 2001, с. 17)

Интересны исследования С. А. Алифанова, Е. В. Егоровой, Р. Л. Кричевского, А. Н. Eagty, В. Т. Jotmson в области гендерных различий в лидерстве. Нужно оговориться, что под лидерством здесь понимается раскрытие особенностей менеджеров. А. Н. Eagty, В. Т. Jotmson, Е. Е. Массобу, С. N. Jacklin, G. N. Powell были получены три типа эмпирических данных:

- 1) лидеры-женщины не отличались от лидеров-мужчин ни по лидерскому стилю, ни по эффективности своей деятельности, ни по вербальному поведению;

- 2) отличия лидеров разного пола были отражением общих гендерных различий, т. е. лидеры имели больше сходства с рядовыми участниками своего пола, чем с лидерами противоположного пола;
- 3) лидеры-женщины отличались от мужчин, но в сторону, противоположную ожидаемым гендерным различиям; так, по мотивации достижения и стремлению к лидерству женщины не только не уступали мужчинам, но даже превосходили их (Maccoby, Jacklin, 1978, с. 27).

Исследователи гендерных проблем лидерства указывают на такую проблему, как препятствия, которые общество выставляет перед женщинами на пути к лидерству.

Очень популярна метафора о «стеклянном потолке» («*glass ceiling*»): невидимой, но реальной преграде, на которую наталкивается женщина-лидер, когда пытается достичь вершин успеха; для мужчин такой преграды не существует.

Главное препятствие заключается в отношении окружающих. Несмотря на то, что по ряду качеств женщины-лидеры не отличаются от своих коллег-мужчин, представление об их непригодности для лидерской роли является устойчивым. Оно проявляется в осуждении близких и друзей, в предпочтении подчиненными мужчины в роли босса и в скептицизме мужчин-администраторов по отношению к женщинам-лидерам. Причем в большей психологической изоляции оказываются успешные женщины-менеджеры.

Недостаток власти, дефицит лидерства заставляют женщин прибегать к защитным стратегиям (названным «гендерным менеджментом»):

- а) сверхфункционированию на работе (по времени и усилиям);
- б) использованию специфически женских способов деловых переговоров с мужчинами (коккетства, принижения своих способностей);
- в) применению «маски» – стремлению скрыть свою эмоциональную и личную жизнь, чтобы не получить ярлык неэффективных работников и т. п., что может составлять угрозу их психическому здоровью.

Но у женщины есть ряд преимуществ, реализовав которые, она может стать успешным руководителем. Женщина-лидер обладает более тонким социальным интеллектom, она тоньше ощущает нюансы отношений, в том числе и отношение к себе. Она умеет оценивать и прогнозировать поведение других людей. Правда, ее больше, чем мужчин, подстерегает опасность пойти на поводу у своих эмоций. А истеричность и лидерство – есть вещи несовместимые.

Женщина обладает большей контактностью и практичностью мышления. Если мужчина склонен строить долгосрочные планы, рассчитывать на долгосрочную перспективу, то женщина предпочитает конкретно гарантированный результат «здесь и сейчас». Женщина лучше мужчины контролирует свои и чужие ошибки; она, как правило, лучше формулирует свои мысли и выражает идеи. Замечено, что она меньше, чем мужчина реагирует на ухаживания и сексуальные притязания в деловых отношениях. Она четко различает дело и развлечение.

Один из способов, которым советское общество, семья и сама женщина пытались разрешить конфликт: семья – работа, был связан с возникновением особого типа «женщины-работника», которая существует в условиях заниженных профессиональных критериев и не ориентирована на профессионализм, достижения и успех. К карьерному росту стремятся как мужчины, так и женщины, независимо от семейного положения. Поэтому для женщины восхождение по лестнице успеха оказалось делом тяжелым и небезопасным. Деловая женщина должна постоянно доказывать себе и окружающим, что занимается именно своим делом. Примерно 1/3 всех нервных расстройств у бизнес-леди происходит от столкновения их роли руководителя в работе и исполнителя дома.

В советские времена желание делать карьеру связывалось с «мужским» самоутверждением в обществе и «допускалось» для незамужних женщин, как бы оправданное тем, что они не достигли «главного» в своей жизни – семейного счастья. Таким образом, негласно утверждалась идея двух женских карьер, одна из которых – семейная – связывалась со статусом замужней женщины. Другая карьера – профессиональная – связывалась со статусом незамужней женщины.

По мнению В. В. Бодровой, более вероятно, что, хотя именно незамужние женщины чаще демонстрируют профессиональную ориентацию и желание делать карьеру, среди них же больше тех, которые просто не могут сделать иного – более приемлемого и желаемого – выбора в пользу семьи. Общественное мнение все еще репрессивно по отношению к незамужним женщинам и склонно поддерживать единственную «нормальную» форму образа жизни. Как замужним, так и незамужним женщинам приходится преодолевать сопротивление общества идее личной карьеры вообще и женской карьеры в частности. Статус незамужней женщины является при этом «отягчающим обстоятельством» (Бодрова, 1998, с. 35–38).

Что касается желаний делать карьеру и отсутствия такой возможности на данном рабочем месте, в России это чаще связывается с некими внутренними, личностными ограничениями, а не с полом.

Исследования в США показали, что, в то время как часть женщин находит удовлетворение в роли домохозяйек, в целом удовлетворенность жизнью, включая самооценку и чувство собственной компенсации, выше у работающих женщин. Те же женщины, которые видят себя только в роли жены и матери, чаще всего испытывают так называемый синдром домохозяйки. Он проявляется в чувстве беспомощности и безнадежности, в частых депрессиях, низкой самооценке.

Профессионально-ориентированные женщины, несомненно, лучше справляются с «этой жизнью», но ощущают постоянный дискомфорт в материнской роли, как будто расплачиваясь таким образом за свой профессиональный выбор. Они как будто разделяют предубеждение по поводу своего семейного статуса, переживая его как постоянное чувство вины перед ребенком.

Таким образом, отсюда следует вывод, что трудовая сфера жизни важна и для женщин, и для мужчин. Достижение успеха в профессиональной деятельности зависит от личностных особенностей индивида, семейного положения и его желания добиваться успеха в данной области, а не от половых различий. Женщины больше, чем мужчины ориентированы на семью.

Целью нашего исследования было изучение особенностей в представлениях образа семьи и успешности карьеры у руководителей – мужчин и женщин.

В исследовании приняли участие 60 чел., средний возраст – 37 лет. В первую группу вошли мужчины-руководители в количестве 30 чел., возраст которых от 24 до 60 лет. Во вторую группу вошли женщины-руководители в количестве 30 чел., возраст – от 25 до 55.

Качественный и количественный анализ полученных данных показал, что представления мужчин- и женщин-руководителей об успешности карьеры и образе семьи отличаются по содержанию. Женщины-руководители в отличие от мужчин-руководителей считают свою карьеру более успешной. Карьера для женщин – это возможность, прежде всего, реализовать свой личностный потенциал, для мужчин – в первую очередь, это возможность материально лучше обеспечить семью. Помимо направленности личности успешность карьерного роста у женщин-руководителей определяется через внешние условия труда. Чем благоприятнее рабочая обстановка для женщины, тем у нее больше шансов строить карьеру.

У мужчин-руководителей карьерный рост также определяется направленностью личности, т. е. ориентацией на работу, а не на себя или на общение с другими. Но еще опосредуется смыслом, который мужчина-руководитель вкладывает в свою работу, пониманием, для чего ему нужна карьера, какова истинная мотивация.

Специфика особенностей в представлениях об успешности карьеры у мужчин- и женщин-руководителей определяется преимущественно гендерными различиями.

Образ семьи для женщин-руководителей складывается из представлений о том, что главную роль в семье выполняет жена. Женщине-руководителю хотелось бы в семейной жизни быть более автономной, распоряжаться самостоятельно своим свободным временем для общения с друзьями и родственниками. Удовлетворенность женщины-руководителя семейными отношениями складывается из понимания того, какая сфера семейной жизни для нее наиболее важна или актуальна. Если отношения с супругом в актуальной сфере семейной жизни приносят удовлетворение женщине, то брак она считает удачным.

Для мужчин-руководителей брак строится, прежде всего, через официальные зарегистрированные отношения с супругой. А после – определяется разграничением обязанностей между мужем и женой. Удовлетворенность супружескими отношениями у мужчин-руководителей зависит от разрешения важных для них проблем семьи, – разумно ли тратит материальные блага супруга или нет, и соответствует ли ее ролевое поведение тому, какое ожидает видеть от нее супруг? По мнению мужчины-руководителя, жена должна больше внимания уделять родительско-воспитательской функции.

Семьи мужчин-руководителей представляют собой более традиционный семейный уклад, где женщина – хранительница очага, а мужчина – добытчик и кормилец семьи, и, соответственно, где женщина должна подчиняться мужу.

В семьях женщин-руководителей картина немного иная – женщины не противятся выполнять традиционные семейные функции, но они конфликтуют с мужем по поводу отстаивания большей свободы для себя и независимости в семье.

Таким образом, специфика особенностей образа семьи у мужчин- и женщин-руководителей объясняется разностью в переменных, характеризующих распределение ролей в семье, удовлетворенности семейными отношениями и показателями конфликтности в семье. Также следует отметить, что особенности в представлениях образа семьи и успешности карьеры у руководителей определяется возрастными и гендерными различиями.

Литература

Бодрова В. В. Отношение к занятости женщин в период перехода к рыночной экономике // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены / ВЦИОМ. М., 1998. № 1. С. 35–38.

Визгина А. В., Пантелеев С. Р. Проявления личностных особенностей в самоописаниях мужчин и женщин // Вопросы психологии. 2001. № 3. С. 91–100.

Женщина в меняющемся мире / Отв. ред. Н. М. Римашевская. М.: Наука, 1992.

Карпов А. В. Психология менеджмента // Учеб. пособие. М.: Гардарики, 1999.

Кричевский Р. Л. Если Вы – руководитель. М.: Дело, 1998.

Хеннинг М., Жарден А. Женщины и мужчины руководители СПб.: Питер, 2001.

Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М., 1997.

Maccoby E. E., Jacklin C. N. The psychology of sex differences. Stanford, 1978. V. 1, 2.

СПЕЦИФИКА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Н. А. Лукина (Самара)

Психологические отношения человека в развитом виде представляют собой целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Психологический смысл отношения состоит в том, что оно является одной из форм отражения человеком окружающего. Изучая человека с позиции его отношений, мы устанавливаем его содержательные связи с социальным окружением (Мясищев, 1998, с. 36).

Межличностные отношения характеризуются как субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения (Психологическая энциклопедия, 2006, с. 367). Содержанием межличностных отношений чаще всего становятся интересы, склонности, потребности людей. Развитие и становление данных отношений играет важную роль в процессе формирования личности, а полем их построения могут служить какие-либо совместные увлечения, занятия и иные формы человеческой активности.

Общение является одним из основных инструментов выстраивания межличностных отношений, средством презентации уровня и качества взаимодействия, а также способом самораскрытия личности общающихся. Согласно В. Н. Кунициной, основной структурной единицей анализа межличностного взаимодействия является не отдельный человек, а взаимосвязь, взаимодействие вступивших в общение людей. Обмениваясь сообщениями, собеседники приспособливают их к конкретной ситуации общения, содержание полученной информации

в значительной мере перерабатывается в зависимости от оценки самих себя и окружающей обстановки (Куницына, Казаринова, Погольша, 2003, с. 37). Таким образом, процесс межличностного общения неизбежно преломляется через призму межличностных отношений, способов общения и особенности ситуации общения. Изучая процесс общения в русле межличностных отношений, необходимо остановить внимание на следующих основных моментах: анализ условий, при которых происходит процесс общения, содержательное описание процесса общения, содержательное описание способов, позволяющих или препятствующих достижению определенного уровня взаимности.

В данной статье мы рассмотрим особенности проявления межличностных отношений в процессе общения студентов в Интернет-среде. Популярность Интернета уже давно позволяет рассматривать его в качестве новой социальной среды, которая означает принципиально новый способ построения отношений. Специфика этой среды активно изучается многими зарубежными и отечественными психологами (Дж. Барлоу, Д. Фостер, С. Джонс, К. Янг, П. Хиллс, М. Аргайл, А. Е. Войскунский, Ю. Д. Бабаева, О. Н. Арестова, Л. Н. Бабанин). Интернет-среда обладает качественным своеобразием, а следовательно, имеет особенности в плане построения межличностных отношений. В процессе построения межличностных отношений субъект изучает объект и ситуацию, в которой осуществляется воздействие, выбирает стратегию, тактику и средства воздействия, анализирует поступающие от объекта сигналы. Специфика общения, опосредованного Интернетом, может проявиться в использовании иных, по сравнению с реальными, стратегий взаимодействия в процессе построения межличностных отношений.

В нашем исследовании приняли участие 127 студентов II и III курса психологического и исторического факультетов Самарского филиала Московского городского педагогического университета, регулярно использующих интернет-пространство для общения.

Анализ целей общения в интернет-среде выявил следующее: 32% студентов общаются для приобретения новых знакомств, 23% – ради самого процесса общения, 17% – с целью «убить время», 14% – для получения новой информации, 6% – ради развлечения, 4% – в поиске помощи, 4% – используют общение в рабочих целях.

Для изучения межличностных отношений (МЛО) в процессе общения в интернет-среде была выбрана методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Данная методика предназначена для исследования представлений субъекта о себе «реальном» и «идеальном», а также для изучения взаимоотношений в малых группах. С помощью методики выявляется преобладающий тип отношений

к людям в самооценке и взаимооценке (Бурлачук, Морозов, 1999, с. 180). Согласно Т. Лири, в процессе построения МЛО существует четыре основных ориентации: доминирование, подчинение, дружелюбие, враждебность. Данные ориентации создают основу типологии МЛО, которая включает, соответственно, следующие типы: I – авторитарный, II – эгоистический, III – агрессивный, IV – подозрительный, V – подчиняемый, VI – зависимый, VII – дружелюбный, VIII – альтруистический. Каждый тип МЛО имеет несколько степеней выраженности – минимальную (1), среднюю (2) и максимальную (3). Данные типы наиболее полно отражают спектр возможных позиций, занимаемых при построении МЛО в процессе общения.

В проведенном нами исследовании каждый выявленный нами тип МЛО проанализирован по степени выраженности черт, его составляющих. В соответствии с целями нашего исследования перед испытуемыми ставилась задача оценить себя в процессе реального общения и в процессе общения, опосредованного интернет-средой. Гипотеза исследования состояла в том, что *степени выраженности* типов межличностных отношений, проявляемых субъектом в процессе реального общения и общения в интернет-среде, не совпадают. Полученные результаты, характеризующие каждый тип отношений в процессе реального общения и в процессе общения, опосредованного Интернет-средой, изложены ниже. Проанализируем каждый тип МЛО.

I – Авторитарный тип отношений. В процессе межличностного общения, как в Интернет-среде, так и в реальной жизни, авторитарность проявляется преимущественно в минимальной степени выраженности – диапазон от 0–8 баллов. Это означает, что в своем поведении испытуемые демонстрируют уверенность, настойчивость, упорство. Степень проявления этих качеств в процессе интернет-общения выше, чем в реальном на 18%, что свидетельствует о специфических возможностях Интернета при построении межличностных отношений. В силу ряда факторов, таких как анонимность, свобода в выражении чувств, отсутствие страха перед выявлением тех или иных ошибок, пользователь занимает более уверенную позицию в интернет-среде по сравнению с реальной ситуацией и не стесняется в самовыражении. Данные свидетельствуют, что средняя и максимальная степени выраженности авторитарного типа в интернет-среде выше, чем в реальной. Студентов, проявляющих властные диктаторские черты, в Интернете больше на 8%, авторитетных, компетентных и успешных на 10%.

II – Эгоистичный тип отношений в процессе межличностного общения у испытуемых также наиболее полно представлен в оптимально-минимальной степени от 0–12 баллов: 96% испытуемых обла-

дают эгоистическими чертами, т. е. ориентацией на себя, склонностью к соперничеству, «здоровым, разумным» эгоизмом, необходимым для осуществления своих целей, ощущения своей значимости и самодостаточности, и в конечном итоге для построения конструктивных взаимоотношений. Эгоизм в крайней степени обнаружен только у 4% испытуемых. Значимых различий между реальным и Интернет-общением по данному параметру не обнаружено.

III – Агрессивный тип отношений в своем максимальном проявлении, при котором демонстрируется резкость и жесткость к окружающим, доходящая до асоциального поведения, не проявляется ни в одной из исследуемых сфер общения. Агрессивность как настойчивость, энергия, упорство (по Т. Лири, это минимальная степени выраженности) свойственна большинству тестируемых: 84% студентов проявляют это качество в реальном общении и 90% – в интернет-среде. Агрессивная стратегия взаимодействия у подавляющего большинства испытуемых не превышает степени «здорового упрямства». Тем не менее, в интернет-общении данный показатель выше на 6%, чем в реальном. Строгость, резкость, прямолинейность и требовательность крайней степени в реальном общении свойственны только 6% испытуемым.

IV – Подозрительный тип отношений у большинства студентов (76% в реальном общении и 84% в интернет-общении) представлен также в минимальной степени, что можно интерпретировать как объективное самостоятельное критичное отношение к обсуждаемым темам, предметам и явлениям. Причем в интернет-среде данный показатель выше, чем в реальном общении на 8%. Подозрительность, скептичность и замкнутость, мешающая устанавливать межличностные контакты, наблюдается у 21% испытуемых в реальном общении и у 16% в интернет-среде. Данные показатели свидетельствуют о неуверенности в себе, коммуникативных трудностях, боязни плохого отношения со стороны окружающих. Отчужденность, враждебность как крайняя форма проявления подозрительности выявлена только в процессе реального общения и представлена у 3% испытуемых.

V – Подчиняемый тип отношений, выраженный в минимальной степени, характеризуемый как скромный, робкий, эмоционально сдержанный, склонный к добросовестному выполнению своих обязанностей, но, тем не менее, достаточно самостоятельный, в интернет-среде выявлен у 94%, в реальном общении – 91%. Эти же качества, выражаемые в средней степени, диагностированы у 6% и 9% соответственно. Степени покорности, граничащей с самоуничижением, стремлением найти опору в ком-то другом, не обнаружено.

VI – Зависимый тип отношений. Анализ диагностических данных показал, что и в процессе реального общения, и в интернет-среде большинству испытуемых зависимость присуща в минимальной степени, что выражается в конформности, мягкости, доверчивости. В интернет-среде данные качества проявляются несколько выше, чем в реальном общении (94% и 90% соответственно). Средняя степень качества зависимого типа в реальном общении проявляются у 10%, в интернет-общении у 6% испытуемых. Зависимого типа поведения в максимальной степени своего проявления (резкой неуверенности в себе, наличия навязчивых страхов, опасений) не выявлено.

VII – Дружелюбный тип отношений. Как и при анализе предыдущих типов отношений, дружелюбие проявляется преимущественно в оптимальной степени выраженности (до 8 баллов): у 88% испытуемых в интернет-среде и у 84% – в реальном общении. Большинство испытуемых проявили склонность к сотрудничеству, кооперации, гибкий компромисс, общительность, доброжелательность и инициативность в отношениях. Дружелюбие в крайней степени выраженности, по Т. Лири (до 12 баллов), ориентированное на всеобщее принятие и социальное одобрение, стремление к удовлетворению требования быть для всех «хорошим» без учета ситуации, показали 16% в реальном общении и 12% в интернет-среде, которая, как уже отмечалось, в большей степени способствует проявлению истинных намерений, без оглядки на окружающих и страха осуждения.

VIII – Альтруистический тип отношений в оптимально-минимальной степени с такими чертами, как ответственность, деликатность, доброта, мягкость, эмпатийность, бескорыстие и отзывчивость, в интернет-общении представлен показателем 90%, что превышает на 12% этот же показатель в реальном общении. Максимальная степень проявления этого типа, при котором человек приносит в жертву свои интересы, стремится помочь и сострадать всем, навязчив в своей помощи, слишком активен по отношению к окружающим, сознательно конформен, принимает на себя ответственность за всех, выявлен у 22% испытуемых в реальном общении и у 10% в интернет-среде (отметим, разница составляет 12%).

Анализ средних значений по всем исследуемым типам межличностных отношений выявил, что средние показатели, как в реальном общении, так и в интернет-среде, находятся в диапазоне минимальных и средних значений (от 0–10 баллов), причем в интернет-среде все типы межличностных отношений, кроме эгоистического, выражены меньше. Обработка данных при помощи статистического критерия

Манна–Уитни также позволила обнаружить значимые различия во всех типах межличностного взаимодействия, за исключением эгоистического.

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

- 1 Все студенты, принявшие участие в исследовании, обладают стратегиями межличностного взаимодействия в диапазоне оптимальных значений. Авторитарный, эгоистический, агрессивный, подозрительный, подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический типы межличностных отношений присущи испытуемым настолько, насколько это необходимо для формирования зрелой личности и конструктивного взаимодействия с окружающими.
- 2 Отчетливо прослеживается тенденция: в интернет-среде большее количество общающихся отличается оптимальной степенью выраженности всех типов, что позволяет говорить о благоприятном влиянии межличностного взаимодействия в интернет-среде на общающихся и расценить его как более адекватное, психологически здоровое и полноценное, сводящее к минимуму отрицательные эмоции и воздействия.

Мы не считаем настоящее исследование завершенным, а выводы бесспорными, но наша гипотеза о том, что степени выраженности типов межличностных отношений, проявляемых субъектом в процессе реального общения и общения в интернет-среде, не совпадают, в основном подтверждается. В данной статье мы осветили лишь отдельные вопросы, касающиеся межличностного взаимодействия студентов в интернет-среде. В ходе следующего этапа исследования предстоит ответить на вопросы, касающиеся специфических возможностей интернет-среды, которая прочно вошла во все сферы человеческой жизни и представляет собой абсолютно новую форму построения межличностных отношений. Изучение ее позволяет обозначить новые аспекты личностного развития в рамках новой интернет-действительности.

Литература

- Бурлачук Л., Морозов С. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 1999.
- Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М. Межличностное общение // Учебн. для вузов. СПб.: Питер, 2003.
- Мясищев В. Н. Психология отношений. М.-Воронеж, 1998.
- Психологическая энциклопедия / Под ред. Р. Корсин, А. Ауэрбах. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ МЕЖГРУППОВОЙ ПРЕДУБЕЖДЕННОСТИ

Н. В. Мешкова (Москва)

Проявления предубежденности обнаруживаются в широком спектре социально-психологических явлений: прежде всего, в межгрупповых и межличностных конфликтах, стигматизации, агрессии против аут-групп, в дискриминации и остракизме. Объектом внимания психологов эта проблема стала в 20-х годах прошлого века, когда американские исследователи пытались объяснить причины депривации и стигматизации в межрасовых отношениях. Далее интерес зарубежных исследователей к проблеме предубежденности постоянно подогревался событиями, происходящими в социальной жизни. На современном этапе следствием миграционных процессов стало расширение спектра мишеней предубежденности.

Несмотря на множество работ в области этнической предубежденности и расизма, на текущий момент исследователи не пришли к единой точке зрения по многим вопросам. В частности, нет единого понимания в толковании самого термина «предубежденность», а также генеза и связи предубежденности с поведением. Одной из причин такого положения нам видится изолированное изучение предубежденности к определенному типу мишеней. Например, расизм, этническая и сексуальная предубежденности выделены в отдельные направления исследования в западной психологии. В отечественной науке исследования предубежденности осуществляются в рамках этнопсихологии.

Между тем, зарубежные авторы приходят к выводу, что предубежденность к различным группам может являться следствием общего психологического явления, затрагивающего личность. Корнем такого явления нам представляются психологические характеристики личности.

Следует отметить, что проблемы предубежденности чрезвычайно актуальны для современной России в связи с ростом «преступлений ненависти», жертвами которых становятся люди, принадлежащие к группам этнических меньшинств, мигранты и гомосексуалисты.

Анализ работ зарубежных и отечественных авторов позволил выделить два принципиально разных типа предубежденности: зависящая от ситуационного контекста предубежденность, возникающая в новых ситуациях, и не зависящее от ситуации негативное отношение к группе. Эмпирическое исследование показало, что каждый из типов предубежденности обусловлен определенными индивидуально-психологическими особенностями испытуемых, в числе которых были скинхеды/РНЕ, учителя-женщины, а также мужчины и женщины

групп сравнения. Использовалась батарея из 7 методик. По результатам предварительного исследования испытуемые были разделены на две группы, при этом критерием деления стало количество объектов, к которым была выявлена предубежденность.

У скинхедов были обнаружены следующие психологические особенности: 1) предубежденность ко всем предложенным для шкалирования объектам; 2) инверсированные в негативную сторону базовые убеждения о доброжелательности окружающего мира; 3) высокая враждебность, качественно выраженная настороженностью; 4) гипермаскулинизация в полоролевой идентичности; 5) высокие значения физической агрессии, коррелирующие с маскулинностью Я-актуального и полоролевым поведением; 6) высокий поиск новизны, характеризующий экстремальный показатель темперамента и склонность к антисоциальному поведению.

К особенностям второй группы испытуемых относятся: 1) предубежденность лишь к некоторым объектам, предложенным для шкалирования; 2) базовая не-враждебность; 3) низкий поиск новизны; 4) низкая гендерная самооценка. Под гендерной самооценкой понимается уровень выраженности фемининных качеств у женщин и маскулинных качеств у мужчин. В исследовании низкая самооценка определялась соотношениями между компонентами полоролевой идентичности: культуральным стереотипом, идеалом и самооценкой испытуемых.

Результаты исследования позволили сделать следующие выводы:

- 1) Враждебность, генерализованная в негативных базовых убеждениях о мире, формирует враждебную картину мира и задает пристрастность в оценке любого объекта независимо от ситуации. Это позволяет рассматривать этническую предубежденность, расизм и предубежденность к гомосексуалистам не как особые виды предубежденности, а как частный «продукт» более общего явления. При таком подходе предубежденность понимается как опредмеченная враждебность.
- 2) Связь предубежденности и агрессивного поведения у скинхедов обусловлена высоким поиском новизны и гипермаскулинностью полоролевой идентичности. Особенностью гипермаскулинной полоролевой идентичности является встроенная в нее агрессия. Для людей, обладающих таким набором характеристик, любой объект является потенциальной мишенью для агрессии.
- 3) Парциальная предубежденность обнаруживается при «базовой не-враждебности» картины мира. Особенности индивидуально-психологических характеристик в этом случае являются низкий поиск новизны и низкая самооценка маскулинности полоролевой

идентичности. Выделенные характеристики являются косвенными показателями страха новизны.

Таким образом, психологическими источниками межгрупповой предубежденности являются: картина мира, темперамент и полоролевая идентичность. Коррекционная и профилактическая работа по предотвращению реализации предубежденности в агрессивном поведении может состоять в разработке психологических тренингов, формирующих положительный взгляд на окружающий мир и адекватную полоролевою идентичность.

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

И. М. Пивоварчик, Е. А. Дудкина (Украина)

«Человек не изолированное, в себе замкнутое существо, которое жило бы и развивалось из самого себя. Он связан с окружающим его миром и нуждается в нем», – эта мысль с особой глубиной выражена у С.Л. Рубинштейна в его последней, посмертно (в 1973 г.) опубликованной работе «Человек и мир». Первое, на что специально обращает внимание С.Л. Рубинштейн, приступая к характеристике личности, это то, что личностная зависимость психических процессов выражается в том, что сам ход их развития определяется общим становлением личности. Смена жизненных эпох, через которые проходит каждый человек, приводит не только к смене чувств, но и к смене жизненных установок, интересов, ценностных ориентаций (Рубинштейн, 1959, с. 156).

Традиционно к ценностным ориентациям, значимым для женщин, можно отнести любовь, семейное благополучие, интерес к своей внешности, потребность в защите, для мужчин – успех в карьере, самореализацию, возможность доминировать. Однако современный этап развития общества характеризуется качественно новым состоянием всех сфер общественной жизни. Глубокому переосмыслению в общественном сознании подвергается система ценностей. Происходит трансформация ценностных ориентаций и представлений мужчин и женщин в массовом сознании.

В связи с подтверждением этого явления в феврале 2009 г. нами было проведено исследование на базе Южноукраинского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, направленное на изучение системы ценностных ориентаций мужчин и женщин в современном обществе. Выборка составила 90 испытуемых: 45 юношей и 45 девушек в возрасте 19–22 года. Для реализации цели

исследования нами была использована методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, основанная на прямом ранжировании списков ценностей двух классов: терминальных и инструментальных; а также для более подробной информации нами был специально разработан опросник, содержащий 32 вопроса открытого типа, на которые предлагалось ответить испытуемым.

При анализе полученных данных мы провели сравнительную характеристику ценностных ориентаций мужчин и женщин, руководствуясь уровнем выраженности той или иной тенденции у обоих полов. В результате доминирующую позицию среди инструментальных ценностей у мужчин заняли: воспитанность, жизнерадостность, ответственность; у женщин: воспитанность, жизнерадостность, независимость, самоконтроль. Вторую позицию у мужчин разделили: независимость, терпимость, честность, аккуратность, исполнительность; у женщин: честность, смелость в отстаивании своего мнения. На третьей позиции у мужчин были зафиксированы такие ценности, как: самоконтроль, широта взглядов, непримиримость к недостаткам, чуткость, рационализм, образованность, смелость в отстаивании своего мнения; у женщин: широта взглядов, чуткость, аккуратность, образованность. В то же время последнюю позицию среди ценностей у мужчин занимают: высокие запросы; у женщин: ответственность и непримиримость к недостаткам. На основе полученных данных можно предположить, что у мужчин преобладают этические ценности, ценности общения, конформистские и альтруистические ценности, ценности принятия других людей; у женщин наиболее выражены этические ценности, ценности дела, самоутверждения, индивидуалистические ценности.

При анализе результатов опросника наиболее существенными оказались ответы на вопросы о создании, планировании семьи и карьеры. Так, в качестве идеального возраста для создания семьи мужчины отметили период 25–27 лет, мотивируя это проблемой выбора партнера, уверенностью в нем, а также наличием материальных возможностей. При этом четкой расстановки приоритетов на семью либо карьеру не было выявлено, обе перспективы назывались взаимодополняющими. В то же время женщины идеальным возрастом для создания семьи обозначили период 23–25 лет, что объяснялось окончанием учебы, началом собственной карьеры.

Так, на основании всего вышесказанного, можно констатировать, что в современном обществе с ценностными ориентациями мужчин и женщин произошли существенные изменения. Женщины становятся все более самостоятельными, стремятся к независимости, самодостаточности, но и не теряют своих «женственных» представлений о жиз-

ни. Мужчины же стремятся развивать себя в духовном, творческом плане. Для тех и других ценности, связываемые с их биологическим полом, отходят на второй план, а первые позиции занимают ценности, ранее характерные для противоположного пола. По нашему мнению, все это может быть связано с наличием существенных изменений в представлениях об образе мужчин и женщин в массовом сознании, и их борьбе за социальную, экономическую независимость. Мужчины и женщины взаимодействуют друг с другом не в вакууме, а в конкретных социальных ролях, причем особенности гендерной дифференциации в разных сферах деятельности, например, на производстве и в семье, часто не совпадают. К примеру, если раньше честолюбивая женщина могла сделать карьеру только опосредствованно, за счет социально и экономически успешного мужа или, наоборот, организовав социальное продвижение последнего, то сегодня эти ограничения отпали. Современная женщина может сама, без мужского посредничества, добиться высокого социального статуса и это существенно меняет мотивацию и характер взаимоотношений мужчин и женщин при тех же самых природных задатках и различиях. Таким образом, данная работа дает перспективы для изучения ценностных ориентаций мужчин и женщин в современном обществе в соответствии с гендерными ролями и на основе гендерных стереотипов.

Литература

- Леонтьев Д. А. Ценностные представления в индивидуальном и групповом сознании... // Психологическое обозрение. 1998. № 1.
- Мартынюк И. О. Проблема жизненного самоопределения молодежи // Опыт прикладного исследования. Киев: Наукова думка, 1993.
- Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Учпедгиз, 1959.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1976.
- Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕНТАЛЬНОСТИ ПОСТСОВЕТСКИХ ПОКОЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КРИЗИСА

В. И. Пищик (Ростов-на-Дону)

В быстроизменяющемся мире стоит особо актуально проблема трансформации ментальности поколений. Из отношения человека к миру и к человечеству, писал С. Л. Рубинштейн, «вытекает

и отношение человека к жизни и смерти, как бытию и небытию, отношение к прошлому и будущему, и конкретно – к переходу от одного общественного строя к другому» (Рубинштейн, 2003, с. 360). А отсюда автор делал вывод, что со сменой общественного строя новый человек порождается не автоматически, но благодаря включению человека в новые человеческие отношения, в которых он «передельвается». С. Л. Рубинштейн выводил один из параметров человеческого бытия – отношение к другому человеку. Он считал, что не ценности первичны у человека, а отношения мира и человека. Изменение, перестройка взаимоотношений человека с миром, с другими людьми, обществом ведет к переоценке ценностей – таков результат диалектики жизни. Поскольку ментальность выражается в социально-психологических феноменах, то за проблемой трансформации ментальности открывается проблема отношения к миру и к другому человеку, к обществу.

Были выделены факторы, влияющие на качество и определенность ментальности в культуре. На ментальность оказывают взаимовлияние все сферы общества (политика, экономика, религия, социальная сфера и др.), цивилизационные движения (переход к глобализации, рост техногенности, информационные, экологические факторы и т. д.), распространенные виды и типы культуры, типы личности. В различных культурно-исторических ситуациях эти системы факторов могут приобретать решающее значение. Следовательно, ментальность выступает как продукт совокупного действия всех системных факторов.

С позиции системного подхода нами было выявлено, что архетипы, образ мира, образ жизни, стиль мышления, особенности коммуникации у поколений имеют общие тенденции, которые можно привести к соответствию определенной ментальности. При этом ментальность проходит этапы в своем развитии – от традиционной к инновационной ментальности (Пищик, 2006). На этом пути происходят рассогласования/согласования ценностей, смыслов и значений в ядре ментальности поколений, приводящие к изменению параметров ее периферии – социально-психологических характеристик. Это происходит под воздействием определенной системы факторов. Отношение коллективного субъекта к своему образу жизни и образу мира является устойчивым. Оно распространяется среди субъектов по законам социального влияния, посредством дискурса. Процесс системообразования инновационной ментальности начинается с противоречия в отношениях коллективного субъекта к традиционному образу жизни и образу мира. Так социалистический образ жизни и образ мира потерял в глазах субъектов позитивное значение, смысл. Что способствовало тому, что среди людей распространились иные инновационные представления, идеалы образа мира и образа

жизни. Это привело в движение их ценностно-смысловое, традиционное единство. Формировались новые значения, подкрепляемые новыми контекстами, рождались новые смыслы, перестраивающие ценностную систему, что вело к новым действиям, к которым у коллективного субъекта образовалось особое отношение. Зародившись, новые отношения развивались в целостность, в систему и приводили к функциональной перестройке ментальности. Формировались иные интерпретационные схемы, с помощью которых поколения могли оценивать социальную ситуацию и новые программы поведения. В результате изменилась направленность социально-психологических характеристик ментальности поколений: от взаимозависимости к независимости в отношениях, от стабильного образа мира к нестабильному, от консерватизма к готовности к изменениям, от дискурсивной гомогенности к гетерогенности, от коллективизма к индивидуализму в ценностных ориентациях.

Эмпирическим путем нами было проведено сравнение составляющих ментальности постсоветских поколений начала XXI в. Южного региона России и советских поколений 70–80-х годов XX в. (Пищик, 2007). Исследовательская гипотеза была построена на том, что ментальность поколений, как коллективных субъектов, подверглась воздействию конкретной культурно-исторической ситуации – перестройке. Поэтому, вступая в новую историческую эпоху, поколения воспринимают актуальные воздействия, новые дискурсы в соответствии со своими ранее приобретенными интерпретационными схемами, а именно в соответствии с образом мира, образом жизни, доминирующими стилями мышления и особенностями коммуникации, в системной организации которых задана особая согласованность содержания их ценностей, смыслов и значений. Что вызывает в них расхожесогласования, отраженные в дискурсах поколений.

В различные исторические эпохи ведущим фактором развития ментальности коллективного субъекта были следующие: в развитии дописьменной ментальности – телесность, предметность; в развитии письменной ментальности – знаковость, письменность; в развитии медиаментальности – информационная коммуникация, визуальные образы (Шкуратов, 2006). С позиции рассмотрения видов ментальности ведущими факторами ее развития выступают: в развитии традиционной ментальности – традиции; в развитии переходной ментальности – разрушение традиций; в инновационной ментальности – индивидуальность; в развитии постинновационной ментальности – разрушение индивидуальности, переход к коллективности.

Ментальность развивается в зависимости от условий психологической системы, к которой она принадлежит, и от взаимоотношений

с другими явлениями. Как отмечает В. А. Шкуратов, необходимо иметь «предположение о характере связи человека и культуры (опосредования) в данном ментальном порядке» (Шкуратов, 2006, с. 91), тогда можно будет определить вид ментальности. Особенности опосредования в психологической системе определяют порядок, системную организацию ментальности в определенный исторический период развития коллективного субъекта. При социализме человек и культура были опосредованы идеологизированными знаковыми системами, следовательно, господствовала письменная, традиционная ментальность. В эпоху социализма была достигнута ценностно-смысловая близость ментальности, опирающаяся на производственно-экономическую, социальную, политическую и духовную общность поколений. В современном капиталистическом российском обществе преобладает медиаментальность, которая находится на этапе перехода от традиционной к инновационной ментальности. Причем, как показали исследования (Пищик, 2007), преобладает традиционная ментальность, но наблюдаются и большие показатели по инновационной ментальности в группе переходных поколений. Поколения сегодня живут в условиях господства частнособственнических экономических отношений, опирающихся на социальное неравенство и разность интересов людей. Средства массовой информации в руках государства и частных собственников. Это способствует тому, что нет единой традиционной линии, которая бы определяла направленность передаваемой информации. Поколения выбирают свой канал информационной коммуникации, который опирался бы на определенные ценности, смыслы и значения. Поэтому наблюдается разрыв между поколениями на уровне ценностно-смыслового рассогласования в их ментальности.

На основании эмпирического исследования ценностно-смысловых составляющих российской ментальности (Пищик, 2007) можно предположить, что в условиях социокультурных изменений происходит процесс частичной ее трансформации. Социокультурный кризис, приводящий к смене форм собственности, реструктуризации социальной системы, высокому динамизму в политической системе, способствует тому, что общество предъявляет новые требования к социальной компетентности человека и его общественному образу. Это сказывается на том, что человек сознательно и бессознательно вносит коррективы в формы своей субъектности (самореализацию, самодетерминацию, самопрезентацию, саморазвитие, самопредъявление). Фактически начинает изменяться «представленность» субъекта в мире. Человек, коллективный субъект по-иному «продляется» в мир. Определяя новые возможные, реализуемые проекты жизнедеятель-

ности в мире, человек и коллективный субъект выбирают новые социальные категории для самоопределения, социальные роли, позиции для идентификации, акцентируются на новых социально-психологических качествах, востребованных в инновационном обществе. Этому во многом способствуют трансформационные процессы в системе ментальности человека и коллективного субъекта. Происходит согласование/рассогласование между элементами ментальности, соответствующими традиционным нормам и правилам, изменяются их функциональные связи.

В современном российском социуме представлено несколько систем ценностей: традиционные, переходные, инновационные и постинновационные. Между данными системами существуют непреодолимые противоречия в силу того, что одни направлены на общинные, коллективистские формы жизнедеятельности (традиционная ментальность), а другие – на обособленные, индивидуалистические (переходная, инновационная ментальности). Традиционные ценностные системы жестко регламентированы, а инновационные ценности допускают больше степеней свободы в жизни коллективных субъектов, но при этом субъекты традиционной ментальности открыты миру, а субъекты инновационной ментальности закрыты, центрированы на себе. Коллективные субъекты отторгают традиционные ценности. Это было эмпирически зафиксировано даже в группе пенсионеров.

Как установлено в исследовании переходных поколений Южного региона России, женская группа характеризуется: холодностью, соперничеством, склонностью к риску, которые характеризуют индивидуализм. Группа мужчин колеблется между индивидуализмом и коллективизмом и проявляет: миролюбие, дисциплинированность. Присутствие коллективистских начал и отсутствие иерархичности может свидетельствовать о том, что мы имеем дело с «горизонтальным индивидуализмом» в группе переходных поколений. В группе советских поколений выявлен конструкт «горизонтального коллективизма», характеризующийся: взаимовыручкой, верностью традициям, открытостью, устремленностью в прошлое и в будущее, сердечностью, дисциплинированностью и уважением власти. Это свидетельствует о рассогласовании ценностно-смысловых составляющих ментальности исследуемых поколений (Пищик, 2006).

Приоритетными ценностями поколений Южного региона России являются ценности безопасности, здоровья, семьи и высокооплачиваемой работы (Пищик, 2007). В ситуации социокультурных изменений на первое место выходят проблемы выживания, сохранения вида. Хотя здесь наблюдается противоречие, поскольку желание сохра-

ниться замыкается на индивидуальности, по принципу «каждый за себя». Разобщенность в отношениях, холодность, интолерантность установок общения не способствуют сплочению субъектов. Та же проблема затронула ценность «семьи». В эмпирических данных мы фиксировали декларацию семьи как ценности, смысла, цели жизни. Ценность «семьи» связана у респондентов с позитивными высказываниями, традиционными смыслами. Она оказалась наиболее согласованным элементом образа мира коллективных субъектов. На практике, в реальной жизни фиксируется разрушение института семьи, «виртуализация» семейных отношений. Современная семья предполагает развитие обоих супругов, не всегда предполагает официальную регистрацию брака, количество детей сведено к минимуму. В такой семье уже меньше иерархии, наблюдается некоторая отчужденность в отношениях, выражающаяся в эмоциональной холодности супругов, разделение материальных доходов. Таким образом, ценность «семьи» связывается с новыми смыслами. Понятие «семья» приобретает многозначность, даже противоречивую, что было недопустимо для эпохи социализма. Была принята однозначность понятия. В этом и заключено рассогласование традиционной ценности «семьи» с инновационными ее смыслами и значениями.

Следовательно, в ядре ментальности синтаксико-семантической структуры закрепили значение «семьи» и приоритетность ее как терминальной ценности, но изменились смыслы семьи. Это привело к тому, что ценность семьи из терминальной ценности перешла в инструментальную ценность, что повлекло разрушение программы семейных отношений в реализующем компоненте ментальности.

Что касается ценности «труда», она исчезает из семантического пространства коллективных субъектов и переходит в значение «работа». Хотелось бы отметить, что снижается тенденция трудовых затрат на работе. У респондентов наблюдается большое стремление к «легким» деньгам, не всегда заработанным честным трудом. Наблюдается рассогласованность между ценностью «высокооплачиваемой работы» и качествами квалифицированного специалиста. Понижение общей профессиональной образованности ведет к неграмотности специалиста. Однако такие «специалисты» имеют, как правило, высокие амбиции, сочетающиеся с низкой социальной компетентностью. С изменением смысла труда поменялось значение работы и ее ценность. Ценность работы рассогласуется со значениями работы в традиционном понимании. В традиционном понимании ценность «работы» определялась целью «на благо общества». В современных условиях целью работы является достижение личного материально-го благополучия. Это рассогласование приводит к тому, что значе-

ние слова «труд» ассоциируется не с общественно полезным трудом, а с «прибылью», «деньгами». То есть понятию «труд» придается иной смысл, в отличие от традиционного.

Определение ведущей ценности «здоровья» у советских поколений, которая должна транслироваться молодежи, никак не сочетается с ведением здорового образа жизни, хотя этот стереотип еще сохранен в глубинах ментальности большинства респондентов. Смыслы здоровья связывались с активным образом жизни, занятиями спортом. Реклама лекарств, которая занимает ведущее место наряду с рекламой продуктов питания, призывает россиян к употреблению лекарств (пассивный способ борьбы с недугами). Следовательно, уже нет согласованности ценностей «здоровья» и активной позицией в образе жизни.

В результате данного анализа прослеживается закономерность, заключающаяся в том, что смыслы и значения определяют содержательное наполнение ценностей образа мира и приводят в соответствие с образом жизни человека. Нами было обнаружено рассогласование в системе смыслов поколений по параметрам: альтруизм, гедонизм, самореализация и коммуникация. Смысл альтруизма отчетливо представлен в группе постсоветских и переходных поколений, но в целях жизни нигде не представлен. Можно предположить, что и значения «бескорыстность», «жертвенность» будут мало употребляемы среди респондентов. Незначительно представлены коммуникативные смыслы в группе постсоветских и переходных поколений, а ценность любви, дружеских связей занимают приоритетные места в выборах респондентов, что, возможно, свидетельствует о рассогласовании ценностей и смыслов. Это также может подтверждать наличие интолерантности в отношениях людей, характеризующейся холодностью и отчужденностью, деперсонизацией. Интернет, мобильные телефоны представляют собой, с одной стороны, средство общения, а с другой, барьеры общения поколений.

Обнаруженные тенденции пересекаются с результатами исследования категорий образа мира поколений (Пищик, 2007). Для постсоветских поколений образ мира трехмерен, трансформируется от светлого, большого, свежего, быстрого к пассивному, шершавому, напряженному, плохому. Образ мира для девушек – это пространство любви, силы (тяжелый путь) и радости (ожидания счастья). Пространство образа мира у молодых мужчин так же трехмерно, но более однозначно, чем у женщин. Образ мира для них – это пространство любви, борьбы и счастья (радости). Пространство образа мира у советских поколений четырехмерно. Пространство образа мира для них – это интегральная шкала представления мира пережитой любви,

интегральная шкала представления мира тяжелого пути, шкала представления мира непонятного и беспокоящего, несостоявшегося ожидания счастья, шкала представления мира сильного и хаотичного. Таким образом, мы видим области согласований в образе мира поколений и рассогласований. Отсюда можно заключить, что в образе мира стабильно и неизменяемо ядро, в котором значения схожи у всех групп и непостоянна периферия, которая содержит значения, изменяемые от группы к группе. В ядре постоянны следующие значения: любовь, радость, сложность, свежесть, умный–тупой. Эти значения связаны с коммуникативными, когнитивными, гедонистическими смыслами. Гедонистический смысл, как показало исследование, вытеснен у поколений, кроме группы переходных поколений. То есть по-прежнему среди поколений представлен запрет на удовольствие. Хотя в значениях образа мира он зафиксирован. По-прежнему лидируют коммуникативные значения. Когнитивные смыслы представлены в образе мира в виде оценок умный – тупой и в оценках мира как сложного. Но когнитивные ценности занимают не лидирующие места. В современном социуме больше ценится социальный интеллект, чем иные формы. Трансформация образа мира ментальности, выделенная на его периферии, свидетельствует о том, что у советского поколения преобладают негативные оценки образа мира, хотя это может свидетельствовать об их тяжелой жизни в современном мире. Эмпирически установлено, что социальные установки, представления о своем «Я» значимо различаются в группах советских и постсоветских поколений. Первые имеют коллективистскую направленность, а вторые – индивидуалистическую направленность указанных социально-психологических характеристик.

Резюмируя, можно отметить, что исследование подтверждает гипотезу о противоречии между устоявшимися особенностями поколений, обусловленными социокультурными стереотипами восприятия, отношения, взаимодействия с миром, и несоответствующими им внешними условиями. Эмпирически выявлены социально-психологические характеристики различных типов ментальности советских, постсоветских поколений. Обнаруженная большая выраженность у постсоветских поколений переходной и инновационной ментальностей может служить показателем трансформационных процессов в традиционной ментальности, приводящих к изменениям ее социально-психологических характеристик.

Литература

Пищик В. И. Определение понятия «коллективизм/индивидуализм» // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 30–36.

Пищик В. И. Тенденции трансформации ментальности поколений. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. Спб.: Питер, 2003.

Шкуратов В. А. Искусство экономной смерти. Сотворение видеомира. Ростов-на-Дону: Наррадигма, 2006.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ И ГРУППОВЫХ СУБЪЕКТОВ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. П. Позняков (Москва)

Понятие психологических отношений человека, первоначально введенное в систему теоретических представлений как общепсихологическое, в течение последних десятилетий приобрело статус одной из основных категорий психологической науки. В этой связи актуальной теоретической задачей представляется изложение системы авторских представлений о содержании понятия психологических отношений, его связи с системой других базовых категорий психологической науки, эмпирических референтах и методах исследования психологических отношений.

В рамках предлагаемой концепции психологические отношения рассматриваются как социально-психологические характеристики субъектов различных видов жизнедеятельности, представляющие собой эмоционально окрашенные представления и оценки, объектами которых выступают внешние условия жизнедеятельности и активности субъекта, характеристики самой активности и ее субъектов, представители различных социальных групп, с которыми они (субъекты отношений) связаны различными видами взаимодействия. Психологические отношения представляют собой динамические характеристики индивидуального и группового сознания субъектов, в которых представлен временной континуум изменения условий и характера активности и которые сами характеризуются сочетанием устойчивости и изменчивости во времени в связи с происходящими социальными изменениями. Пространство психологических отношений личности включает в себя психологические отношения к различным объектам и явлениям окружающего мира, к другим людям, с которыми личность связана теми или иными видами взаимодействия, отношения к самому себе. В структуре психологических

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 08-06-00 464а.

отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности представлены познавательный, эмоциональный, ценностный (оценочный) и поведенческий компоненты. Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности, отражая объективные социальные условия этой жизнедеятельности, сами выступают социально-психологическими регуляторами различных видов активности субъектов. Основными функциями, которые выполняют отношения в жизнедеятельности индивидуальных и групповых субъектов, являются следующие. Психологические отношения субъектов выступают субъективным психическим отражением внешних условий жизнедеятельности и тех объективных социальных связей, которые складываются у субъектов с различными сторонами окружающего мира. Психологические отношения выступают не просто результатом, следствием изменения внешних условий жизнедеятельности субъекта, но выполняют функцию самоопределения субъекта в этих условиях, которая выражается в осознаваемой, избирательной, активной позиции субъекта в изменяющихся условиях его жизнедеятельности. Психологические отношения выполняют функцию внутренней регуляции социального поведения субъекта и других видов его активности, что находит свое выражение, прежде всего, в различных поступках, являющихся результатом сознательного выбора, который делает субъект. Социально-интегративная функция психологических отношений проявляется в психологической общности социальных групп, формирующейся на основе сходства психологических отношений их представителей. Наличие такой психологической общности представителей тех или иных социальных групп и осознание ими своей принадлежности к этим группам, внутригрупповой общности, сходства и одновременно их отличия от других групп позволяет рассматривать эти социальные группы в качестве групповых субъектов психологических отношений. Отношения внутри социальных групп при этом могут рассматриваться как межличностные внутригрупповые отношения, а отношения, складывающиеся между представителями разных групп, – как межгрупповые социально-психологические отношения. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности позволяет рассматривать и исследовать психологические отношения человека, который является онтологически единственным носителем (субъектом) этих отношений на разных уровнях. На внутриличностном уровне они представлены как психологические отношения конкретной личности, индивидуального субъекта отношений; на межличностном уровне – как отношения между личностями, характеризующимися сходством или различиями

их психологических отношений; на межгрупповом уровне – как отношения между личностями, представляющими различные социальные группы, различающиеся, в том числе, их психологическими отношениями к значимым сторонам совместной жизнедеятельности.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ К ТАБАКОКУРЕНИЮ У КУРЯЩИХ И НЕКУРЯЩИХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

В. П. Позняков, В. Л. Хромова (Москва)

Психологическое отношение личности к табакокурению формируется, с одной стороны, на основе информации, поступающей к человеку из различных источников, в большинстве своем раскрывающих вредные последствия курения, а с другой стороны, из субъективно отражаемого личного опыта индивида. И курящие, и некурящие люди реально выступают участниками совместной жизнедеятельности, его субъектами. Причем субъективное психологическое отношение к табакокурению имеется не только у курящих, но и у некурящих людей.

Мы полагаем, что отношение к курению столь прочно и устойчиво, в том числе и потому, что оно представлено не только на личностном уровне (знание об этом явлении, эмоциональное отношение к нему, готовность к определенному поведению), но и на межличностном и межгрупповом уровнях психологических отношений (взаимоотношения в среде курящих людей, взаимоотношения между курящими и некурящими).

Теоретической основой исследования послужила концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности В. П. Познякова. Психологические отношения представляют собой динамические характеристики индивидуального и группового сознания субъектов, в которых представлен временной континуум изменения условий и характера активности и которые сами характеризуются сочетанием устойчивости и изменчивости во времени в связи с происходящими социальными изменениями. Пространство психологических отношений личности включает в себя психологические отношения к различным объектам и явлениям окружающего мира, к другим людям, с которыми личность связана теми или иными видами взаимодействия, а также отношение к самому себе.

Целью нашего эмпирического исследования было выявление качественных, содержательных особенностей отношения к табако-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 08-06-00 464а.

курению у различных субъектов, в качестве которых, по нашему мнению, могут рассматриваться не только отдельные индивиды, но и социальные группы. В качестве групповых субъектов нами были изучены группы, выделенные по критериям курения и пола.

Объектом исследования выступили курящие и некурящие взрослые, поровну мужчины и женщины. В качестве основного инструмента исследования использовалась оригинальная методика стандартизированного интервью для выявления отношения к табакокурению. Дополнительно использовалась методика «Цветовой тест отношений».

Результаты исследования показали, что в группе некурящих наблюдается более отчетливое отрицательное эмоциональное отношение к курению, выражаемое преимущественно эмоцией отвращения (особенно у некурящих мужчин), а среди курящих их отношение относительно чаще характеризуется как безразличное. Курящие в целом выше, чем некурящие, соглашались с мнением о наличии психологических «выгод» от курения. Хотя более высокая оценка вреда курения дается некурящими, однако точность оценок вреда от курения оказалась выше у курящих.

Был выделен временной аспект отношения, подразумевающий, что актуальное отношение существенно зависит от того, каким видит себя субъект этих отношений во временной перспективе, и это принципиально меняет характер его отношения к курению.

Диалектическое сходство – различие между курящими и некурящими субъектами отношений состояло в том, что курящие демонстрировали более позитивное отношение к представителям своей группы по критерию курения, а некурящие – своей. В этом проявился феномен внутригрупповой приверженности.

Респонденты, идентифицирующие себя с некурящими, проявляют более негативное эмоциональное отношение к данному явлению, чему соответствует в составе когнитивного компонента их отношения к курению доминирование признания его вреда. В группе респондентов, считающих себя курящими, эмоциональный компонент отношения к курению характеризуется скорее как безразличный или положительный. Видимо, поэтому в составе когнитивного компонента баланс их отношения к курению сдвинут в сторону признания за курением ряда психологических выгод.

Социально-интегративная функция психологических отношений наиболее сильно выразилась в психологической общности социальных групп, выделенных по критерию пола. Мужчины проявили большую «преемственность» в переносе своего отрицательного отношения с курения как явления на отношение к курящим людям. Хотя в когнитивном плане мужчины в большей степени признавали вред

курения для здоровья, однако это не касалось вреда от «пассивного» курения, который ими занижался.

Женщины проявляли более эмоционально-безразличное отношение к курению как явлению, ниже оценивали его вред для здоровья, однако по сравнению с мужчинами значительно выше оценивали вред от «пассивного» курения. Также им оказалось свойственно и менее негативно оценивать курящих людей. В структуре отношения к курению женщинам было свойственно рационально оправдывать курение его значением для процесса общения, и, соответственно, среди личностных качеств курящих людей акцентировать их большую общительность, коммуникабельность по сравнению с некурящими.

Эмоциональное отношение мужчин к курению оказалось в целом более отрицательным, у женщин – в среднем безразличным. Особенности эмоционального отношения к курению в зависимости от пола проявились также в склонности мужчин ассоциировать его с эмоциональным диапазоном: покой и пассивность – волевое напряжение с элементами агрессии, а женщин: спонтанность и оживленность – отстраненность и безучастность с элементами соматических ощущений.

На примере сравнения групп мужчин и женщин можно судить о том, каким образом задействуются принципиально разные механизмы формирования отношения. Так, было обнаружено, что в ситуации, предрасполагающей к межгрупповому сравнению, женщины предпочитали пользоваться преимущественно межличностными механизмами восприятия (идентификация, рационализация, рефлексия), в то время как мужчины – межгрупповыми (аутгрупповая дискриминация, стереотипизация).

Большая компетентность в вопросах регуляции поведения представителей собственного пола была обнаружена в виде склонности и мужчин и женщин выражать большее согласие с суждениями о позитивном вкладе курения в имидж человека, относящимися к своей половой группе.

Внутри групп курящих и некурящих между мужчинами и женщинами также выявлены некоторые различия. В группе некурящих именно некурящие мужчины проявляли большую активность в аутгрупповой дискриминации по критерию курения, что проявлялось в более частом приписывании курящим негативных личностных качеств и социально некорректных форм поведения в ситуациях, связанных с «пассивным» курением.

Напротив, тенденция относительно более позитивного отношения женщин к курящим выражалась в усмотрении ими у курящих большего числа положительных качеств: общительности, способности иметь гармоничные отношения с людьми (в семье, на работе), доброты,

мягкости, высоких моральных качеств и переживания субъективного благополучия («счастливости»).

В ситуации двойной социальной идентичности группами, выделенными по критериям пола и курения одновременно, предпринимались разные стратегии межгруппового взаимодействия. Курящие мужчины предпринимали защиту Мы-образа с помощью процессов межгрупповой дифференциации и стереотипизации. Этому служило сближение образа курящего мужчины со стереотипом мужественности.

Курящие женщины избирали неэффективную защитную стратегию, перенося негативную оценку привлекательности представителей своей группы с Мы-образа на Я-образ, т. е. оценивали себя лично как менее привлекательных.

Таким образом, общая тенденция негативной оценки явления табакокурения, переносимая на оценку личности курящего человека, в ряде случаев обнаруживает свою неоднородность вследствие того, что групповые субъекты по-разному формируют свое отношение к данному явлению.